ГЛѢБЪ АЛЕКСѢЕВЪ

МЕРТВЫЙ БѢГЪ

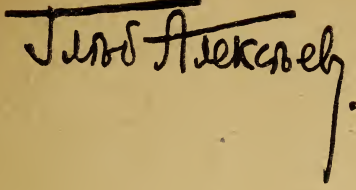
ПОВѢСТЬ
ЗАРУБЕЖНЫХЪ
ЛѢТЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ БЕРЛИНѢ

Инв. № Жизневский. 22.

ARS
К-ВО
ПИСАТЕЛЕЙ

Глѣб Алексѣев.



МЕРТВЫЙ БѢГЪ

ПОВѢСТЬ ЗАРУБЕЖНЫХЪ ЛѢТЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ БЕРЛИНѢ
1923

Обложка И. Мозалевскаго.

Права закрѣплены за авторомъ.

Типографія Шпееръ и Шмидтъ. Берлинъ S. 42, Риттерштрассе 22.

Любови Ивановнѣ
Алексѣевой

МЕРТВЫЙ БѢГЪ

I.

Подполковникъ Петунниковъ занималъ двѣ комнаты въ баракѣ № 9. Въ одной жилъ самъ — по стѣнамъ ея, обитымъ казенными одѣялами — были развѣшаны вперемѣшку съ картинами соблазнительныхъ красавицъ въ вуаляхъ съ обнаженными, тяжелыми какъ гарбузы грудями, — регаліи недавняго прошлаго: погоны гренадерскаго полка крестъ на крестъ, красный темлякъ, замятая на затылокъ защитная фуражка. Въ простѣнкѣ стоялъ столикъ съ портретомъ генерала Врангеля, на столикѣ помѣщалась «табачная фабрика». Двѣ тысячи въ день — это была норма. Въ сосѣдней — подъ вѣтромъ скрипѣвшей какъ простуженная грудь — коморкѣ помѣщалась «мамаша» — такъ Петунниковъ называлъ жену, Надежду Львовну, — жену онъ нашелъ въ сутолокѣ гражданской войны — гдѣ то подъ Двинскомъ — былъ съ нею по своему счастливъ. Двое ребятъ — золотушныхъ и большеголовыхъ, пищавшихъ заливчатымъ, заходящимся крикомъ съ утра до ночи, и были, въ сущности, причиной, почему Петунниковъ — не по правиламъ лагеря — занималъ двѣ «комнаты»: крикъ ребятъ мѣшалъ набивать папиросы — единственное средство къ существованію.

Выщелкнувъ сто двадцать шестую, Петунниковъ поднялъ голову — поперекъ заѣзженный морщинами лобъ надъ мясистымъ, прошитымъ красными жилками носомъ, — и громко спросилъ:

— Наденька, а что этотъ прохвостъ, Сырниковъ, отдалъ пятьдесятъ марокъ?

— Нѣтъ, Мишенька, не приносилъ, — отвѣтилъ женскій голосъ изъ другой комнаты.

— Х-м... Опять пропьетъ всю получку, мерзавецъ.

— Сколько разъ я тебѣ, Мишенька, говорила: не давай лагернымъ въ долгъ. Жди теперь до второго пришествія, если совсѣмъ не замотаетъ.... Самимъ ѣсть нечего...

Петунниковъ покраснѣлъ и, отложивъ машинку, посмотрѣлъ въ окошко. За проволокой было видно, какъ по шоссе нашпариваютъ на велосипедахъ нѣмцы съ лопатами за плечами. Навстрѣчу имъ старуха въ шляпѣ везла солому, въ повозку была впряжена собака. — «Ишь»!, улыбнулся Петунниковъ, но ничего не подумалъ, а вслухъ сказалъ:

— Офицеръ вѣдь, мамаша...

— Офи-це-ръ, съ презрѣніемъ заскрипѣлъ за перегородкой женскій голосъ, понадѣвали всякой швали офицерами — сидимъ теперь тутъ. Надрызгался вчера какъ гусь подъ березой, всѣ окна въ «Кантинѣ» поколотилъ... Наставили синяковъ на морду — едва-едва спать уложили.

Во всемъ этомъ Петунниковъ и самъ косвенно виноватъ. Поэтому онъ молчитъ, постукивая ногтемъ по столу. Начиналось, вѣдь, всегда по хорошему. И въ сущности — хорошій парнюга Сырниковъ, и офицеръ изъ него вышелъ бы хоть куда. Да, вотъ судьба... Судьба-индѣйка. Въ субботу съ работъ возвращалась въ лагерь холостежь. Съ кирпичнаго завода, съ цементнаго, изъ рельсопрокатныхъ мастерскихъ... Конечно, съ деньгами, къ тому же единственный день, «когда людьми, а не скотами» они себя чувствовали. Со-

бирались бы въ «Кантинѣ», если бъ мерзавецъ-кантинщикъ не запиралъ свою лавку чуть смеркнетъ именно по субботамъ. «За ваше здоровье, господа офице-ры!» «Дай Богъ поздравить съ новымъ походомъ противъ красной сволочи»! Ура! Нѣтъ, нѣтъ — не все еще погибло! Союзники когда нибудь да одумаются, и каждый честный солдатъ — Петунниковъ вспомнилъ какъ вчера онъ билъ себя въ грудь, произнося эти слова, — еще послужитъ отечеству. Но чортъ его знаетъ, почему именно эти вотъ свѣтлыя минуты всегда заканчивались по свински: перепьются, передерутся, фонарей другъ другу наставятъ.. Съ тоски что ли?

Петунниковъ взялъ машинку и выщелкнулъ сто двадцать седьмую.

— Эхъ, мамаша, съ грустью сказалъ онъ вслухъ, съ тоски все это... Не легко, вѣдь тоже родину потерять... Кто ее знаетъ, вернется ли когда нибудь...

Но женщина за перегородкой не сдавалась, и голосъ ея, цѣпкій какъ репейникъ, цѣдилъ съ непередаваемымъ презрѣніемъ:

— Словно была у нихъ когда нибудь р-родина... Гуси подъ березой... Была б—тутъ, небось, не сидѣли... Сашка, куда лѣзешь?.. Не смѣй — тебѣ говорятъ...

Два шлепка щелкнули по тѣлу, должно быть, по рукамъ, и, услышавъ ихъ, полковникъ вздохнулъ.

— Сейчасъ зареветъ, подумалъ онъ машинально.

И тотчасъ за стѣной захныкалъ, затенькалъ какъ маленькій, затравленный звѣрекъ, ребенокъ.

— Наденька, сказалъ онъ кротко, я къ Синицыну схожу... Гильзы, говоритъ, по дешевой цѣнѣ можно достать...

II.

Проходя по двору, Петунниковъ думалъ, что Надежда Львовна совершенно напрасно бьетъ дѣтей. И безъ того Сашка ростетъ уродомъ: парнишкѣ третій годъ, а не говоритъ ни слова. И не мудрено... Онъ поднялъ глаза и тянущимся, словно видѣлъ впервые, взглядомъ обвелъ бараки — черные, перевернутые гробы, упрямо дымившіе синимъ павлиньимъ дымомъ набранныхъ въ лѣсу шишекъ. По двору шатался неласковый осенній вѣтеръ, постукивая по заборамъ одубѣвшими рубашками и штанами. Въ серединѣ — куда обращали бараки бѣлые свои нумера надъ чернымъ зѣвомъ дверей, вился тяжелый осенній песокъ на порыжѣлой, вытоптанной сапогами клумбѣ. Поодаль — у помойки играли въ «рюхи» босоногіе мальчишки въ желтыхъ кацавейкахъ изъ казенныхъ одѣялъ; палки, цокая по консервнымъ жестянкамъ, замокали въ грязь. Подлѣ дѣтей — на ступенькахъ барака сидѣлъ бородатый человѣкъ въ тугоподпоясанной шинели; глаза его — безсмысленные, оловянные въ голубизнѣ своей упрямо упирались въ переплетъ проволоки и не моргали; было похоже, что человѣкъ мертвъ — такіе холодные, незрячіе, были у него глаза. «Сидитъ», съ усмѣшкой подумалъ Петунниковъ; онъ зналъ, что Кузнецовъ сидитъ этакъ цѣлыми днями, неподвижный какъ мѣшокъ, безъ желаній, безъ мыслей... За помутнѣвшими, вправленными въ рѣшетку окнами — кое гдѣ за-

ботливая женская рука увила рѣшетку въ горань, — поблескивалъ ранній, опаловый свѣтъ; по окнамъ трепались на вѣтру ниточки съ сушеными яблоками, грибами; бубнила рѣчь; въ дальнемъ баракѣ плакалъ ребенокъ — «Сашка! — болѣзненно сморщился Петунниковъ — плачъ тенькалъ какъ тоненькій, надоѣдливый колокольчикъ... Нѣтъ — вырваться, вырваться во что бы то ни стало! Она засасывала, — эта нищенская жизнь на грибахъ: третій годъ весь лагерь питался грибами, случайнымъ заработкомъ на заводѣ или «табачными фабриками», въ надеждахъ, что кто то одумается, кому то еще понадобится возстанавливать Россію, и тогда о нихъ и о немъ, старомъ пѣхотномъ полковникѣ, вспомнятъ. Вырваться, но какъ? Что еще онъ знаетъ, кромѣ командованія батальономъ?

Эта мысль приходила къ Петунникову и раньше, но никогда не обжигала такъ больно. Онъ остановился у башни, подъ вывѣсками съ предложеніемъ «репетировать дѣтей также и по французски», и задалъ себѣ этотъ вопросъ съ неумолимой жестокостью:

— На что онъ, полковникъ Петунниковъ, способенъ еще кромѣ командованія батальономъ?

— Набивать папиросы!

Отъ неожиданности такого отвѣта самому себѣ онъ разсмѣялся. Чудакъ, ваше благородіе! Ну, какъ, въ самомъ дѣлѣ, можно всерьезъ подумать, что онъ никому не нуженъ? Можетъ ли погибнуть Россія? Петунниковъ зажмурилъ глаза,—что то огромное, величавое, не обнимешь однимъ словомъ этого, поднялось въ памяти. Нѣтъ, Россія погибнуть не можетъ. А слѣдовательно не можетъ погибнуть и онъ, полковникъ Петунниковъ. Надо только переждать, оттерпѣть свое. Вѣдь до

«этого» было сорокъ пять лѣтъ, и въ этихъ сорока пяти годахъ все было ясно, и у каждаго человѣка было свое мѣсто въ жизни — трудами и кровью отвоеванное мѣсто — и все это теперь на смарку?!

— Да не можетъ быть!, сказалъ онъ вслухъ.

И тотчасъ успокоился.

Съ войной — а въ ней ему везло — оставалось пять лѣтъ до пенсіи. Помнится, уже въ революцію, когда какъ соръ и листья въ ураганъ гнало русскія войска съ фронта по деревнямъ — домой, онъ задержался въ Житомірѣ, кудрявомъ городкѣ отставныхъ генераловъ, антоновскихъ, пахнущихъ сосной яблоковъ и сдобныхъ пышекъ, задержался одинъ — отсталъ отъ полка, вдругъ растаявшаго едва дорвались до желѣзнодорожной станціи, шелъ по улицѣ, затонувшей въ бѣломъ цвѣту яблонь, и домики въ немъ, опрятные какъ монашки галиційскихъ монастырей, въ первый разъ подсказали ему мысль о тишинѣ, о ласковомъ уютѣ оттрудившейся жизни, спокойно, съ открытымъ лицомъ встрѣчающей свою старость. Больше ничего не хотѣлось ему! Поселиться здѣсь, вставать по утрамъ съ колоколомъ — онъ жужжитъ въ лѣтнемъ, пѣнномъ воздухѣ какъ большая муха, — надѣть шинель съ красной выпушкой и, постукивая палкой по троттуару, пройти на базаръ въ медленной, никуда не торопящейся прогулкѣ... И всѣ пять лѣтъ, въ которые бросало его съ Вислы на шумную Кубань, а съ Кубани опять на Вислу, когда не по галиційскимъ, а по роднымъ русскимъ городкамъ наступалъ онъ съ полкомъ, и вѣшалъ русскихъ людей въ одномъ городкѣ и самъ бѣжалъ отъ висѣлицы изъ другого городка — твердо вѣрилъ онъ въ свою мечту, вѣдь ради нея — оправданія и логи-

ческаго завершенія всей его жизни, онъ совершалъ подвиги.

— Только твердости! Побольше твердости — подумалъ Петунниковъ, отходя отъ башни, — сдаться — значитъ умереть...

III.

Обогнувъ плацъ, Петунниковъ подошелъ къ бараку № 2 и ногтемъ постучалъ въ окно. Въ окнѣ не хватало одного стекла, дыра была забита верхней доской ящика, на ней проступали слова: Macaroni — пониже конецъ слова: . . . iesto. Поверхъ висѣлъ кусокъ картона съ четкой, въ завитушкахъ, но уже поплывшей отъ дождей надписью:

— Капитанъ Синицынъ — командиръ 2-ой роты Н-скаго пѣхотнаго полка.

Въ правомъ углу — на мѣстѣ адреса — было написано:

Рига. Временно — Derensdorf, Германія.

— Капитанъ, вы дома?

— Кто стучитъ?

— Полковникъ Петунниковъ...

— Да! Да! Пожалуйста, заходите.. а-а.. Васъ то мнѣ и нужно. Я самъ собирался къ вамъ — вотъ только закончу проектъ.

Капитанъ отворилъ дверь. Въ нее просунулась худенькая, остроугольная мордочка съ интеллигентской бородкой, обшарпанной по концамъ, въ большихъ золотыхъ очкахъ на задорномъ носикѣ — пуговкой, съѣхавшемъ подъ улыбкой въ сторону — на щеку... Онъ держалъ въ рукахъ перо. Въ комнатѣ кромѣ походной кровати и наскоро сбитаго треногаго стола, возлѣ котораго стоялъ служившій стуломъ чемоданъ — ничего не было. На столѣ лежали листы бумаги,

исписанные точнымъ, каллиграфическимъ почеркомъ.

— Садитесь, г. полковникъ, на кровать... По походному...

— Все сочиняете?, улыбнулся Петунниковъ.

Синицынъ присѣлъ на чемоданъ и подвинулъ къ себѣ заглавный листъ проекта со старательно выведеннымъ обращеніемъ:

— Его высокопревосходительству министру-президенту германской республики г. Эберту.

— Вы меня простите, г. полковникъ, началъ Синицынъ, но я позволилъ себѣ прямо.. Фигурально выражаясь, быка за рога.. Хе-хе-хе.. Германія, говорю я, никогда не встанетъ на ноги безъ Россіи... Въ Россіи, говорю я, какъ разъ и находится то самое сырье, безъ котораго остановились всѣ германскія фабрики, и безъ котораго, выражаясь нѣмецкимъ языкомъ, Дейчляндъ не только.. Хе-хе... Не будетъ юберъ алесъ, а будетъ капутъ — отсюда, вамъ г. президентъ, должно быть понятно, что безъ возстановленія Россіи вамъ никакъ не обойтись. Даже не принимая во вниманіе, я бы сказалъ, этической стороны вопроса: вы повалили Россію, пустивъ въ нее запломбированныхъ большевиковъ, вы и должны поставить ее на ноги... Вотъ тутъ то я и предлагаю самый простой, и, надо полагать, самый раціональный способъ...

Капитанъ вздернулъ пуговку съ очками вверхъ и внимательно посмотрѣлъ на Петунникова.

— Вамъ, г. полковникъ, безъ сомнѣнія извѣстно, что наряду съ другими офицерами императорской арміи за границу эвакуировались чины жандармеріи, полиціи и государственной пограничной стражи?

Петунниковъ утвердительно кивнулъ головой.

— А кто такое большевики, позвольте васъ спросить? Мошенники, воры, рецидивисты и контрабандисты... Ну-съ, поэтому и бороться съ ними въ первую очередь надлежитъ чинамъ жандармеріи и полиціи, знающимъ этотъ народъ на практикѣ. Исходя изъ этого неопровержимаго факта, я предлагаю немедленно отдать приказъ по всѣмъ бѣженскимъ лагерямъ, по всѣмъ городамъ и европейскимъ странамъ, чтобы всѣмъ чинамъ полиціи и жандармеріи съ полученіемъ сего прибыть въ Берлинъ. И здѣсь...

Синицынъ скосилъ глазъ на бумагу.

— Дальше слѣдуетъ часть секретная. Но довѣрительно... Вы, г. полковникъ, человѣкъ свой... Тутъ будутъ произведены необходимыя формированія подъ командой опытныхъ и знающихъ людей... Придется, конечно, позаботиться объ вооруженіи и обмундированіи... На это, я думаю, г. министръ-президентъ согласится сдѣлать соотвѣтствующіе кредиты изъ казначейства германской республики, которые потомъ, конечно...

— Да, да, все это, можетъ быть, и такъ,—но Петунниковъ все таки съ сокрушеніемъ покачалъ головой, — вы упускаете, капитанъ, очень важное обстоятельство во всемъ этомъ дѣлѣ. Для массъ нуженъ вождь, необходимо — когда мы вступимъ на русскую землю, — чтобы насъ встрѣтили какъ избавителей, а не захватчиковъ... Порукой тому должно быть имя... Вы понимаете, капитанъ, о чемъ я говорю?

Синицынъ вскочилъ съ чемодана, словно его сдунуло. Раскосые глаза его вдругъ набухли кровью, онъ забѣгалъ по комнатѣ, складываясь и раскладываясь какъ перочинный ножъ. Потомъ

подбѣжалъ къ Петунникову и лихорадочно зашепталъ въ ухо:

— Я уже написалъ... Всеподданѣйшее... Ваше Императорское Высочество, голосъ погибающаго народа взываетъ къ вамъ... Дѣти, женщины и старики молятъ въ молитвахъ своихъ... Армія ждетъ знака, чтобъ жизни свои отдать за избавленіе дорогой родины по одному мановенію руки Вашего Императорскаго Высочества... Монархъ и вождь, къ воплямъ погибающаго народа не смѣетъ оставить свое сердце глухимъ... Вы понимаете — чѣмъ это пахнетъ?

Его глаза горѣли безуміемъ. Тоненькій и острый какъ сабля онъ метался по комнатѣ, держа перо въ рукѣ. И говорилъ, говорилъ, говорилъ... Броскія, несвязныя слова горѣли отчаяніемъ вѣры, и, падая, жглись какъ угли, съ трескомъ вышвырнутые прочь. И они были убѣдительны: Петунниковъ чувствовалъ какъ въ душѣ его, съ самаго дна, поднимается надежда.

IV.

Мужъ Татьяны Егоровны уѣхалъ на кинематографическую съемку въ Свинемюнде и писалъ оттуда, что хотя спать ему приходится на пристани рядомъ съ клѣтками львовъ и гіеннъ, и запахъ отъ нихъ идетъ кислый, но зарабатываетъ прилично, черезъ мѣсяцъ, Богъ дастъ, вернется, и острая полоса безденежья кончится. Косыревъ не въ первый разъ уѣзжалъ изъ лагеря, эти отлучки были необходимы: въ промежуткахъ закладывались кольца, двѣ броши и крестильный крестъ, — Татьяна Егоровна не любила оставаться одна. Въ это время всегда какъ то вольнѣе держалась молодежь изъ холостыхъ бараковъ, заходила чаще по дѣлу и безъ дѣла, засиживалась...

Чутьемъ двадцативосьмилѣтней женщины, прожившей лучшую пору жизни, но жизнью не сытой она понимала, что обозначаютъ всѣ эти потупленные взгляды, обыкновенныя, житейскія слова, въ которыхъ вдругъ начиналъ звучать какой то скрытый волнующій смыслъ, мелкія услуги: сходить въ деревню за молокомъ, отправить письмо мужу заказнымъ по почтѣ, принести книжку изъ библіотеки, и... въ глубинѣ души сама страшилась. Двадцать восемь лѣтъ — роковой возрастъ. — Возрастъ бабьяго лѣта — когда въ синемъ, остывшемъ отъ зноя воздухѣ уже завились и повисли паутинки, когда, какъ первая сѣдина въ голову, вплетется въ жирную, до сыта упившуюся листву — желтый, только по краямъ

желтый листъ, и утренняя просинь увѣренно пробьется межъ стволами четкой какъ хрусталь стылостью. Пора — когда всѣ соки земли впиталъ въ себя цвѣтъ, и самъ разцвѣлъ всѣми соками — и вдругъ наступаетъ переломъ, за которымъ жизнь спадаетъ съ каждымъ днемъ, и каждый день этой уходящей жизни жаль. Немногимъ женщинамъ дано перейти черезъ ступень «бабьяго лѣта» спокойно — именно въ его мучительную пору происходитъ ломка первой любви, въ первый разъ ощущаетъ женщина тоску по жизни и въ первый разъ вдругъ вспоминаетъ, что молодость прошла, а она не жила еще.

Пожалуй, такъ и было. Развѣ она жила? Сейчасъ у Татьяны Егоровны было время подумать надъ этимъ. Можетъ быть два-три яркихъ момента только и запомнились. Тогда въ маленькомъ сельцѣ подъ Ивачувымъ-Горнымъ, когда была сестрой милосердія въ полковой летучкѣ, и кругомъ были стонъ сквозь сжатые зубы и протяжный, неустающій крикъ раненыхъ на смерть — его привезли съ фронта, упалъ съ аэроплана. Его лицо было мертвенно — синее какъ авіаторская куртка, отъ лѣваго глаза всю голову прорѣзала рана, — словно разбитая, плохо склеивающая чашка треснулъ при паденіи черепъ. И когда ея заботами, безсонными, тупыми отъ ожиданія ночами, въ которыхъ пѣли и плакали ея сердце и тишина — онъ въ первый разъ открылъ глаза и мутными еще, но уже отпущенными землей отъ смертной доли глазами взглянулъ въ счастливые ея глаза, и какъ родной ей улыбнулся — было счастье. И второй разъ когда взялъ ее, робкую, знавшую что такъ будетъ, и, источившіе всѣ силы свои на ласки, оба не спали всю ночь: она — глядѣла въ нее прозрѣвшими глазами женщины,

онъ — думалъ о завтрашнемъ полетѣ за пятьдесятъ верстъ въ тылъ. Она стала женой авіатора. Все это она помнитъ: остро завидовали ей сестры на фронтѣ, болѣло сердце когда онъ, поручикъ Косыревъ, ея мужъ — чуть замѣтной точкой приближался къ разметавшимся космамъ облаковъ, пронзалъ острой иглой самолета, зарывался въ нихъ какъ въ волосахъ любимой женщины, и вдругъ падалъ внизъ молодецкимъ «штопоромъ» — вился какъ листъ, подхваченный вѣтромъ. Боязнь и страхъ за жизнь любимаго человѣка пріучили сердце къ мысли, что не крѣпко, не на года завязалось съ нимъ счастье... Когда въ Москвѣ, уже при большевикахъ, она получила записку отъ знакомаго офицера, о томъ, что подполковникъ Косыревъ арестованъ Чека и, кажется, уже разстрѣлянъ — она не удивилась, не заметалась въ женскомъ безысходномъ отчаяніи, ѣхала на извозчикѣ на Большую Лубянку, зная что увидитъ его трупъ, и боялась только одного: опять увидѣть рану, разсѣкшую голову отъ лѣваго глаза къ правому уху. Матросъ съ ноганомъ поверхъ кожанной куртки подвелъ ее къ двери и, стукнувъ носкомъ по порогу, закричалъ:

— Эй, товарищъ!.. Жена тутъ къ тебѣ пришла... Ничего себѣ — баба не вредная... Кому что, а я могу и выпустить...

И потому какъ долго молчали за дверью, и по огонькамъ электрическихъ лампочекъ, лукаво качнувшихся въ скользскомъ, — будто пропотѣли камни — корридорѣ, да еще по глазамъ матроса, двинувшаго на нее бѣлесые кустики насмѣшливыхъ рѣсницъ — она поняла какъ не дорого и ей самой, и близкому ея, и вотъ случайному третьему, то, что берегла она какъ сокровенное и почитала оправданіемъ своей жизни. Правда ничего не бы-

ло... Вѣдь ничего же не было... Не отвела она своихъ глазъ отъ глазъ мужа, когда упорнымъ и тяжелымъ взглядомъ въ самую душу спросилъ какой цѣнной куплена его жизнь, но что то оборвалось въ ней, запѣло тоненько, какъ комаръ надъ осокой, и съ каждымъ днемъ росло...

— Все еще вернется, подумала Татьяна Егоровна, только уйти отсюда... Привезетъ Ваня деньги...

Въ такія минуты неудовлетворенности и шалой безпредметной тоски она искренне считала себя очень скверной женщиной. И думала о томъ, что нужно имѣть ребенка, неудавшаяся своя меньше будетъ мучить жизнь, когда рядомъ поднимется близкая жизнь, новая и дорогая.

Косыревъ отъ души смѣялся:

— Таню-ша! Здѣсь? Въ баракѣ? Этой роскоши мы пока не можемъ себѣ позволить.

Если бъ онъ понималъ, что это была не роскошь, а необходимость.

V.

Ласковый старушечій голосъ спросилъ за перегородкой:

— Татьяна Егоровна?

— А?

— Ужинъ будете ставить? Плита горячая...

— Сейчасъ, Зиновія Павловна.

Она вышла въ корридоръ, гдѣ пунцовѣла общая для обитателей барака плита — лѣтомъ плита была сущимъ наказаніемъ Божьимъ, не уставая раскалялась добѣла, за то зимою отапливала весь баракъ...

Надъ плитой, купая въ бѣломъ кипяточномъ пару очки, копошилась старуха въ тепломъ купальномъ халатѣ, поминутно пробовала: проварился ли картофель? Когда Татьяна Егоровна — вышла — старуха подняла вилку съ картофелиной, отставила ее въ сторону, будто защищалась, и заговорила проговоркой:

— А грибовъ то сегодня, батюшки мои... И все бѣлые, пухленькіе, безъ единаго-то червячка... Мадамъ Петунникова въ лѣсу была, тащить своего Сашку за руку, а онъ, батюшки мои, какъ истуканъ... Ну, прямо истуканъ... и чего они его въ Красный Крестъ не отдадутъ? — Имъ дитё безъ толку, а въ Красномъ Крестѣ, глядишь, и отходили бы уродца...

— Застрекотала!, раздѣльно произнесъ чей то басъ за стѣной.

Старуха хитренько мотнула головой и улыб-

нулась. Морщинки, собравшія все лицо ея въ сморщенный желтенькій кулачокъ, разбѣжались веселыми лучиками.

— Можетъ, у васъ лучокъ есть... Дайте мнѣ, матушка моя, лучку... Я ее съ лучкомъ... картошечку... А ты, батюшка мой, самъ стрекочешь, хоть ты и помѣщикъ... Ты бы лучше поменьше табачищемъ дымилъ, да взялъ бы себѣ кошелочку... Въ лѣсу птички поютъ, солнышко свѣтитъ...

— Па-аѣхала, старая вѣдьма, — съ разстановкой произнесъ тотъ же голосъ.

— Оттого и злишься, невозмутимо продолжала старуха, что все думаешь... А что тутъ думать? Живи, пока живешь, да и все... Все равно, батюшка мой, имѣньевъ не вернутъ, думай не думай... Спасибо тебѣ, Татьяна Егоровна. Всегда ты мнѣ, старой, удружишь...

Она придвинулась ближе къ молодой женщинѣ и зашептала въ самое ухо, такъ чтобы не слышали за перегородками:

— У Кузнецовыхъ — опять баталія. Ты, говоритъ, зачѣмъ на спектакляхъ играешь? Я, говоритъ, полковникъ царской службы и своему государю вѣрой и правдой служилъ, а ты въ Берлинѣ ноги задираешь?.. А она ему и говоритъ...

— Ахъ, старая кочерга, сказалъ опять голосъ за стѣнкой, ну, что жъ она ему говоритъ?

— А она и говоритъ... Не твое дѣло, батюшка, наши женскіе разговоры подслушивать... Всталъ бы ты лучше, красавецъ мой, да водички въ баракъ принесъ...

— Ну, вѣдьма!

— То-то и оно. Всталъ бы, да принесъ. Лежишь цѣлыми днями какъ байбакъ... весь баракъ табачищемъ продушилъ...

— Ахъ, вѣдьма!, изумился голосъ за стѣнкой, — дай хоть посмотрю на тебя, старую колотовку.

Дверь со скрипомъ поѣхала въ сторону. Въ провалъ ея пахнуло сначала кислотой давно не мытой, холостецкой комнаты, потомъ показалась отекшая, въ красныхъ багровыхъ пятнахъ голова за нею голая волосатая грудь въ сѣрой въ клѣточку рубахѣ, расхлестнутой до пояса. Увидѣвъ Татьяну Егоровну, чистившую на скамейкѣ картофель, голова юркнула было назадъ, конфузливо что то забормотала, но спустя секунду высунулась опять.

— Удивляюсь я тебѣ, Зиновія Павловна — ей Богу. Вотъ смотрю и удивляюсь. Ужъ васъ ли не колотила жизнь: и сына разстрѣляли, и второй неизвѣстно гдѣ, и дочь не сегодня-завтра съ голоду по улицѣ пойдетъ, а живъ живчикъ? И гдѣ только ты, старая кочерга, силъ для жизни набирешься? Скрипишь и скрипишь... Дуну вотъ на тебя...

Голова надула губы и скосила глаза на щеки:

— Тьфу! И нѣтъ!

— А ты, батюшка Ипполитъ Николаевичъ, не дуй... Руку не обожгъ... Можетъ и я не бѣднѣе тебя была... Вотъ Татьяна Егоровна знаютъ... Что было, то прошло... А что будетъ — одному Господу Богу извѣстно... Не ѣлъ, поди, сегодня ничего, оттого и золъ... Ѣлъ сегодня что, или такъ обошелся? Ты скажи?

— Ѣлъ не ѣлъ, отъ этого ничего не измѣнится...

— Характеръ твой суровый измѣнился... А въ остальномъ мѣнять — нечего: все въ рукѣ Божьей... Подержи ка вотъ котелъ! Воду съ картофеля солью...

Спустя полчаса помѣщикъ сидѣлъ въ камор-

кѣ Зиновіи Павловны, и Татьяна Егоровна слышала какъ онъ выцѣживалъ проникновеннымъ шепотомъ:

— Вы, Зиновія Павловна — золотой человѣкъ... Я, Зиновія Павловна, слово вамъ даю, вернемся въ Россію-ни на шагъ васъ отъ себя не пущу. Умрете — монументъ вамъ поставлю. Рѣдкій вы, Зиновія Павловна, человѣкъ...

Въ окно надоѣдливо царапался дождь. Осенній вѣтеръ тревожилъ деревья, они наклонялись, жалословно поскрипывая. Отъ сквозняка на облѣпленномъ мертвыми мухами шнурѣ качалась электрическая лампа, отъ качанья ея бѣгали по угламъ непокойныя мохнатыя тѣни. За дальней перегородкой задыхался въ коклюшномъ снѣ ребенокъ.

Подперевъ голову рукой, Татьяна Егоровна задумалась надъ письмомъ къ мужу:

«Я увѣрена, писала она, какъ только ты пріѣдешь — мы вырвемся отсюда. Она задавила меня, эта проклятая лагерная жизнь. Я чувствую, какъ съ каждымъ днемъ я все глубже опускаюсь на какое то дно, какъ размѣниваюсь сама, какъ мельчаетъ моя душа. Временами мнѣ кажется, что я заживо умерла и разлагаюсь какъ трупъ.

Ты будешь сильнымъ. Мы переѣдемъ въ Берлинъ. Я буду работать тоже. Пойми — жизнь уходитъ съ каждымъ днемъ, намъ не вернуть ни одного ушедшаго дня. Ахъ, если бы ты только зналъ какъ тоскливо на моей душѣ, какъ тяжело сознавать, что не одинакова доля, что вотъ я второй мѣсяцъ болѣю отъ картофеля, и съ силами уходитъ молодость... Будь же моимъ принцемъ! Я жду тебя какъ рыцаря, который освободитъ свою царевну,.... Я такъ страстно, такъ горячо тебя жду...

VI.

Помѣщикъ Скворцовъ просыпался по стариковски рано — часовъ въ шесть, когда въ окошко только приглядывался подслѣповатый осенній разсвѣтъ, лежалъ въ кровати, куря папиросу за папиросой, не пробуя больше заснуть. Времени было достаточно, онъ чесалъ волосатую грудь загнувшимися, пожелтѣвшими ногтями, давилъ, если подъ ноготь попадалась вошь, шумно вздыхалъ, слушалъ, какъ въ баракѣ неторопливо просыпается жизнь. Въ самомъ дальнемъ углу, у Сикорскихъ, всю ночь, заливаясь, проплакалъ ребенокъ. «Ш-ш-ш-ш. . часовъ съ трехъ шипѣла мать, мужской голосъ, заспанный и недовольный, раздраженно совѣтовалъ:

— Да, заткни ему глотку то. . .

— Плодятся какъ кролики, по своей привычкѣ вслухъ подумалъ Скворцовъ и ожесточенно пыхнулъ дымомъ.

Подшлепывая мягкими туфлями, просѣменила на дворъ Зиновія Павловна. Въ открытую дверь дернуло колющей прохладой утра. Скворцовъ зналъ, что вернувшись, она будетъ долго, по старчески влипчиво молиться, тишина разнесетъ ея умоляющій шепотъ по всѣмъ угламъ барака. Потомъ соберется за грибами и, проходя мимо его двери, обязательно поскребетъ ногтемъ. Въ отвѣтъ онъ запуститъ густую струю храпа, и будто во снѣ перевернется на другой бокъ.

Рядомъ у сосѣдей Татарниковыхъ — мужъ

поднимается на работу — собирать сливы въ баронскомъ саду. Ходилъ версты за четыре, возвращался къ ночи и тотчасъ укладывался спать. Скворцовъ зналъ, что молодая женщина цѣлыми днями вышиваетъ мережки, слѣпнетъ надъ тонкимъ, кропотливымъ шитьемъ. По субботамъ мужъ возвращался съ получкой, и они «жили на широкую ногу»: накупали сластей, коньяку, сыру, колбасъ, закусокъ, къ ночи оба напивались пьяными. Потомъ забывшись и не стѣсняясь тонкихъ, каждый звукъ пропускавшихъ стѣнокъ, предавались супружескимъ ласкамъ. Кровать ходила ходуномъ и скрипѣла, мужчина тяжело сопѣлъ, женщина въ пьяномъ забытьи стонала отъ счастья.

— Ска-аты, сплевывалъ Скворцовъ на полъ нарочно громко, и стучалъ кулакомъ въ стѣну. Но за стѣной на окрикъ его и на стукъ не обращали вниманія. Утромъ Татарникова выйдетъ къ плитѣ съ опущенными рѣсницами, виновато предложитъ ему стаканъ чаю, потомъ до слѣдующей субботы, покорно сгорбится надъ шитьемъ, ее не будетъ слышно, словно ея нѣтъ въ баракѣ.

Позже другихъ вставала Татьяна Егоровна. Вотъ кого Скворцову было искренне жаль! Эти конченные — ясное дѣло, она еще бьется... Онъ зналъ, какъ нарочно долго она будетъ одѣваться: — сидитъ, чешетъ голову, опуститъ гребень, задумается. Ея глаза въ этотъ моментъ становились оловянными. Или уйдетъ бродить безъ цѣли, вернется только къ вечеру, шумная, возбужденная... Зиновія Павловна напомнитъ ей, что надо чистить картофель, иначе прогоритъ плита, а дровъ больше нѣтъ. Встрѣчаясь съ ея зыбкими глазами, Скворцовъ видѣлъ, что они жадные, тянутся къ жизни, бѣжавшей полновѣсно и звонко за прово-

локой лагеря, и понималъ что ея мѣсто не здѣсь, а тамъ. Тогда онъ принимался мечтать о томъ, что будь у него средства, хоть десятая того, что было до революціи, вырвалъ бы отсюда, унесъ, замиловалъ.. Закрывая набухшіе отъ безсонницы глаза, онъ видѣлъ какъ идутъ вдвоемъ по пляжу въ Гурзуфѣ, на мягкій, скрипящій гравіемъ берегъ съ шумомъ наваливаются волны, зацвѣтшіе миндали свѣваютъ розовый снѣгъ юга на песокъ...

Глядя на заострившееся ея лицо, на худую съ покатыми плечами фигуру, по поясу перехваченную зеленой лентой, на маленькія ножки въ затоптавшихся внутрь ботинкахъ — онъ вѣрилъ, что все это возможно. И однажды улучивъ минуту, когда въ баракѣ никого не было, вытащилъ свѣжій воротничекъ, долго сшивалъ рубаху по воротнику — пуговицы не было, расчесалъ волосы, сострадательно улыбнулся одутловатой физіономіи, глянувшей на него въ обломокъ зеркала, и постучалъ въ ея дверь:

— Татьяна Егоровна, къ вамъ можно?

VII.

Молодая женщина сидѣла на кровати, на колѣняхъ ея лежала раскрытая книга. Но она не читала. Скворцовъ видѣлъ это по ея глазамъ, мутнымъ и невидящимъ, узкая ея съ чернымъ бордюромъ ногтя рука, исколотая на пальцахъ крапинками иглы, лежала поверхъ книги.

— Читаете?, ни къ чему спросилъ онъ и ухмыльнулся. То что онъ хотѣлъ сказать и что обдумалъ до мельчайшихъ подробностей сегодня ночью, совершенно внезапно провалилось. Отъ этой мысли Скворцовъ вспотѣлъ.

— Я къ вамъ на минутку. Посижу и уйду. Можно?

Онъ присѣлъ у стола, покрытаго сѣрымъ казеннымъ одѣяломъ. Потеръ руки и посмотрѣлъ на полъ — по его штанамъ, сношеннымъ до обнажившагося переплета нитокъ, гнѣздились капли мыла — съ утра какъ умывался. Взглянувъ на нихъ, онъ виновато улыбнулся. Стало понятно, что ничего не случится, ему не только не вырвать отсюда женщину, — не вырваться самому, что революція въ Россіи никогда не кончится и помирать приходится тутъ — въ засклизломъ, изсѣченномъ дождями и человѣческимъ горемъ баракѣ. Теплая жалость, человѣческая — качнула его сердце.

— Знаете, что я вамъ скажу...

— Что, Ипполитъ Николаевичъ.

Онъ поднялъ глаза, сказалъ просто и тепло:

— Если у васъ есть хоть капля силы — бѣгите отсюда! Туда гдѣ есть трудъ, гдѣ нѣтъ проволоки, гдѣ можно свободно идти по улицѣ... Развѣ вы не слышите запаха разложившагося человѣческаго духа? Душа гніетъ, гніетъ мысль... Черви возятся за проволокой.. Вы сильная, ваше мѣсто не здѣсь...

Глаза женщины стронулись, забѣгали какъ глаза пойманной мыши. Она нервно поднялась, отложила книгу. Потомъ посмотрѣла на него нетвердымъ, обиженнымъ взглядомъ:

— Куда, Ипполитъ Николаевичъ?

— Въ Берлинъ.

— На улицу?

— Зачѣмъ непремѣнно на улицу? Найдите службу... Шейте тѣ же самые мережки, только тамъ, а не здѣсь... Вѣрьте...

— Во что?

— Вѣрьте въ то, что Россія вернется, что поѣдемъ мы съ вами назадъ: я въ свою Пляковку, къ снопамъ и пахотѣ, вы въ Москву, на Пименовскую, пойдете опять въ Художественный театръ, поѣдете на дачу въ Малаховку... Въ гости я къ вамъ пріѣду на Рождество, съ кулечками изъ деревни...

Но она вдругъ спросила:

— А сами?

— Что самъ?

— Сами вы вѣрите въ то, о чемъ говорите?

Скворцовъ тяжело завозился на стулѣ и, глядя въ уголъ, заговорилъ невѣрнымъ голосомъ:

— Ну, конечно же, Татьяна Егоровна. Чѣмъ же иначе жить?

Женщина съ грустью покачала головой:

— Нѣтъ, не вѣрите вы, да и я не вѣрю... Никто не вѣритъ... Знаете, когда я думаю о томъ,

что случилось съ нами, слышу какъ вы задыхаетесь ночью отъ астмы, какъ молится Зиновія Павловна, смотрю на наши бараки, на бѣдность, на нашу жизнь, мнѣ все кажется, что вотъ по спокойному морю плылъ большой корабль, и вдругъ поднялась буря, мы съ вами упали въ воду, и волной выбросило насъ на необитаемый островъ. А пароходъ съ уцѣлѣвшими людьми ушелъ дальше, всѣ высадились на берегу и построили новый городъ, написали новые законы и стали по новому жить. А потомъ пришли мы съ вами, старые съ трясущимися головами, и попросилъ пустить насъ жить. Люди не узнали насъ, но пустили изъ жалости. И тогда увидѣли мы, что не понимаютъ они насъ и нашихъ мыслей, что молятся своимъ, новымъ богамъ, какихъ мы не знали прежде, какіе пришли пока мы жили на необитаемомъ островѣ... Какъ тогда поступить? Безъ насъ, но строится вѣдь тамъ какая то жизнь. За восемь лѣтъ войны и революціи поднялось восемь поколѣній, — какія они? Они прошли мимо насъ съ вами, поймутъ ли они насъ, когда мы вернемся? Я уже и теперь говорю: мы имѣемъ пойти — вы не замѣтили?

— Ну, пусть такъ, мягко заговорилъ Скворцовъ, я особаго мнѣнія на этотъ счетъ. Если умерла старая Россія, крошечный осколокъ которой мы вынесли сюда и спрятали пока что въ помойку — за проволоку, новой не будетъ. Изъ камня алмаза не выкроить. Но вы другое дѣло...

Онъ пытующе сощурилъ лѣвый глазъ:

— Поѣзжайте назадъ.

Женщина въ отвѣтъ только качнула головой.

— Почему?

— Внутренне не могу.

— Простить?

— Нѣтъ, не простить. а приспособиться къ этой новой жизни.

— Тогда забудьте что вы — русская, изучайте языкъ, поступайте на должность... Посмотрите какъ нѣмецъ яростно возрождаетъ свою страну послѣ пораженія. Помогите ему по мѣрѣ своихъ силъ — развѣ это не благая цѣль?

Она до хруста стиснула руки...

— Поймите: все чужое вокругъ. Чужое небо, и нѣтъ силы ему молиться. Чужіе пороги... Мнѣ въ Берлинѣ иногда кажется, что я иду совсѣмъ-совсѣмъ одна въ большомъ опустѣвшемъ городѣ. И вдругъ гдѣ нибудь на Wittenbergplatz у чужихъ и пустыхъ магазиновъ прорвется русская рѣчь... Радуюсь ей какъ голосу матери, плакать отъ радости готова...

Скворцовъ вздохнулъ. Лохматая его голова опустилась еще ниже — онъ внимательно разглядывалъ бѣлыя крапинки на колѣняхъ и не зналъ, что ему еще сказать? Выхода какъ будто не было. Но, вѣдь, не гибнуть же?!

По окнамъ колотился безутѣшный осенній день. Минутами прорывался дождь и уставалъ черезъ минуту. Противно потягивало застоявшейся, густой сыростью сквозь разщелины пола. Скворцовъ съ тоской оглядѣлъ комнату, оклеенную засырѣвшими по угламъ, глазастыми обоями. На всемъ лежала пыль — отъ сырости скорчившаяся сгустками. Лицо Татьяны Егоровны казалось также покрытымъ пылью — безнадежно-сѣрое и покорное. Куда жъ тутъ въ самомъ дѣлѣ податься?

VIII.

Въ той же самой деревушкѣ, бокомъ къ которой прилегалъ бѣженскій лагерь, преподаватель тульской гимназіи Андрей Степановичъ Соколовскій съ женой и двумя дѣтьми арендовалъ огородъ и проживалъ второй годъ въ крохотномъ, уединившимся въ заросль сливъ и яблонь домикѣ. Попавъ въ лагерь изъ Риги, куда вышвырнула его торопливая, безпорядочная волна эвакуаціи, Андрей Степановичъ въ первую же очередь поставилъ себѣ вопросъ: на что можетъ пригодиться онъ, недурной преподаватель словесности, немножко философъ и немножко поэтъ — во первыхъ самой заграницѣ, а во вторыхъ бѣженцамъ въ лагерѣ? Надумавъ, что первой онъ совсѣмъ не нуженъ, а вторымъ въ погонѣ за кускомъ хлѣба не до него, Андрей Степановичъ рѣшилъ заняться физическимъ трудомъ, и остановился на необходимости «сѣсть на землю».

Въ дѣлѣ этомъ помогъ ему случай: вдовецъ-нѣмецъ, уѣзжавшій на службу въ Дрезденъ, согласился за небольшую арендную плату оставить ему все свое несложное хозяйство, хоть и недоумѣвалъ при мысли, что можетъ дѣлать на огородѣ почтен. Herr Doctor и къ тому же Professor? Но Андрей Степановичъ съ такимъ рѣшительнымъ видомъ въ первый же вечеръ накололъ дровъ, затопилъ печи, помылъ вмѣстѣ съ женой полы и окна, что у нѣмца отъ удивленія выпала трубка, и онъ рѣшилъ, что этотъ человѣкъ знаетъ

за что берется. Послѣ отъѣзда нѣмца жизнь въ маленькомъ домикѣ вправилась по новому, точно опредѣленному руслу. Вставали въ шесть, Андрей Степановичъ одѣвался въ синій, всегда чистый и подлатанный въ прорвавшихся мѣстахъ костюмъ, забиралъ лопату и до обѣда копался въ саду и въ огородѣ. Бѣлилъ стволы яблонь и сливъ, просѣкалъ кроны — тщательно срѣзывая сухія, отслужившія вѣтки, подгорталъ картофель, пропалывалъ бобы, морковь, огурцы... Жена его, Зинаида Антоновна, худенькая, юркая брюнетка въ тугихъ рѣсницахъ, засыпала кормъ коровѣ (корову купили, ликвидировавъ бриллiантовыя серьги), возилась съ курами — ко второму году хозяйства развелось ихъ полтораста штукъ, — готовила обѣдъ, стирала бѣлье, сама мѣсила хлѣбы...

Часовъ въ двѣнадцать, когда мимо домика возвращались съ полевыхъ работъ нѣмцы на велосипедахъ, и старые достаточно прохрипшіе часы сельской колокольни старательно вызванивали полдень — Андрей Степановичъ отставлялъ лопату и съ радостью оглядывался назадъ. Поднятая на зиму земля подъ крутымъ солнцемъ блестѣла за нимъ какъ бархатъ, деревья въ заново побѣленныхъ стволахъ — улыбались невѣстами, казалось, колыхали ему тяжелымъ цвѣтеніемъ своихъ кронъ, благодарили за творческій, единый на землѣ воистину творческій трудъ. Крупными каплями пота какъ бисеромъ звѣздился его лобъ, — открытый, съ широкими зализами подъ волоса, капли стекали по носу, щекоча — онъ вытиралъ лицо рукавомъ куртки и бодро шелъ къ домику.

Ровно въ двѣнадцать садились обѣдать.

— Знаешь, Андрюша, у рябенькой... той, что

купили у Іоганна Мюллера въ январѣ — отчего то синій гребешокъ... и квохчетъ какъ пѣтухъ...

— Надо посмотрѣть...

— Я думаю, на птичникъ вообще надо употребить дня три. Тѣсно. Разрослось наше птичье царство...

— Въ четвергъ кончу копать картофель, тогда... А какъ насѣдка?..

— Пока только трое...

Сашка, восьмилѣтній, протягивалъ впередъ кулачекъ и показывалъ:

— Вотъ такіе... Пухые.. Пухые какъ пушки..

Андрей Степановичъ наклонялся къ сыну, ласково обнималъ за плечи и говорилъ:

— А ты знаешь какъ маленькихъ цыплятъ надо ѣсть учить? Не знаешь, пожалуй. Такъ слушай — я тебѣ объясню, а ты запомни: возьми пшена, насыпь на полъ и самъ по пшену стучи пальчикомъ... Цыпленокъ на тебя посмотритъ и то же примется стучать. Постучитъ, постучитъ, глядь, и клевать выучился...

Зинаидѣ Антоновнѣ иногда казалось, что ея мужъ поступаетъ такъ нарочно. Одѣлъ на себя маску и носитъ за нею свою боль, — изъ гордости, что бы другіе не видѣли. Но подъ вечеръ, когда разсаживались по шесткамъ куры — черненькими, бѣленькими, сѣренькими такими милыми клубочками, когда изъ сарая доносилось мѣрное, заправленное на ночь чавканье рыжебокой Машки — онъ приходилъ съ огорода домой такимъ радостнымъ, такимъ довольнымъ и такъ крѣпко, по новому ласково, обнималъ ее, и пахнулъ весь горячими запахами земли, что она чутьемъ женщины понимала: нѣтъ, не притворяется и счастливъ.

Андрей Степановичъ сталъ мало читать.Ког-

да то по модному увлекался Шпенглеромъ, теперь и не вспоминалъ о немъ. Это сначала ее пугало. Однажды она сказала ему объ этомъ.

Они сидѣли на лавочкѣ — въ воскресенье... Радостный, полнокровный опускался закатъ за озеро, и озеро вздыхало въ немъ — медлительно и важно, какъ материнская грудь, а по берегамъ на свѣжѣющемъ вечернемъ вѣтру, посвистывала осока...

Взявъ жену за руку, онъ ласково отвѣтилъ:

— Правда въ жизни, Зинуша, — только одна... Жизнь.

IX.

Такъ отъ дня ко дню — сѣренькая, глохшая въ надеждахъ — ими, однѣми питалась она, — текла жизнь. И каждый занимавшійся осенней непогодой день былъ суровъ и труденъ — пробуждаясь къ нему лагерь сотни воедино слитыхъ мыслей направлялъ къ одному: ѣсть. Въ лагерѣ понимали, что страна, въ которой они живутъ, сама бьется въ тискахъ послѣвоенной разрухи, и они не вправѣ разсчитывать еще на участіе къ нимъ. Въ баракахъ лагеря выпивали лобзиками деревянныя игрушки; вышивали скатерти и салфетки или тонкое дамское бѣлье, упруго шуршавшее въ рукахъ — иногда женщина, прокладывая мережку по крепъ-де-шину, вспоминала, что когда то и она носила такія рубашки; полковники и генералы, неспособные къ физическому труду, набивали на своихъ «фабрикахъ» папиросы, конкуррировали другъ съ другомъ цѣной; счастливицы уѣзжали по утрамъ на кинематографическія съемки, мечтали пробиться въ «дивы», но режиссеры «орали на нихъ какъ на скотъ» и «имъ нужны были любовницы, а не артистки», — пріѣзжая въ лагерь съ послѣднимъ поѣздомъ изъ Берлина увядшія, съ остатками грима на зажелтѣвшихъ лицахъ — женщины возмущались вслухъ, а про себя надѣялись: «отъ этого, вѣдь, меня не убудетъ». Союзъ «американскихъ мальчиковъ» помогъ наладить въ лагерѣ двѣ мастерскихъ: слесарную и столярную, одинъ изъ бараковъ прис-

пособили подъ типографію, въ немъ съ утра до ночи колыхалась машина, выбрасывая изъ чернаго рѣшетчатаго зѣва визитныя карточки Іогановъ Мюллеровъ — шумахеровъ и Карловъ Шварцевъ — портныхъ. Но работали въ мастерскихъ немногіе. Кого тянула по веснѣ въ Свинемюнде или Гамбургъ грузить пароходы — все еще не умершая надежда уѣхать хоть въ угольномъ трюмѣ въ Америку и тамъ разбогатѣть. Иныхъ бросало въ Голландію, Данію, Испанію, и тамъ въ невѣроятныхъ костюмахъ не то испанскихъ торреадоровъ, не то нормандскихъ рыцарей плясали въ присядку, пѣли «Лучинушку» или «Во лузѣхъ, во лузѣхъ», служа тѣмъ великому русскому искусству. Мужчины женились, но понимали отлично, что это такъ, не по настоящему, только до Россіи, гдѣ остались милыя Маши и Саши, покорно ожидающія своихъ Петей и Коль, вышвырнутыхъ въ Европу.

Къ осени, когда въ Европахъ становилось холодно, путешественники и странники стягивались назадъ въ лагерь, — къ синему, упрямому дыму сосновыхъ шишекъ, къ грибамъ, къ холоду и къ надеждамъ, что вотъ только перезимовать, а съ весны все какъ то устроится... Изъ странствій своихъ они приносили разочарованіе въ народахъ, у которыхъ имъ приходилось побывать, все больше убѣждались въ томъ, что «на Западѣ зари не бываетъ, и съ Запада зари ты не жди», застегивались на зиму въ своихъ коморкахъ — упрямые, разочарованные и злые. Они принимали свою судьбу какъ крестъ и думали, что несутъ его съ достоинствомъ. На «малодушныхъ», уходившихъ назадъ въ Россію смотрѣли какъ на людей потерянныхъ, слабыхъ, не донесшихъ до конца... Развѣ только въ самой глуби-

нѣ души, въ которую опускается человѣкъ ночью — въ неутный дождь, хлещущій по окнамъ, въ слякоть и окаянную темь — завидовали и мечтали о томъ же...

Такъ шла жизнь, безъ начала и конца, увязшая въ чужую, разбухшую въ мокропогодь колею, ненужная и нелѣпая, но силъ выбиться изъ колеи не было, и все глубже загрязали въ нее люди и отдавались ей...

Скворцовъ съ отчетливой ясностью понималъ нелѣпость такой жизни. По ночамъ, холодѣя отъ прошибавшаго пота, онъ садился на кровати — обросшій, крючковатый пень. Мѣсяцъ сталкивали съ него тѣнь на стѣну, онъ прислушивался къ храпу и стону, булькавшимъ за стѣной, прислушивался къ крысамъ, назойливо стучавшимъ подъ половицами, и все никакъ не могъ понять, зачѣмъ все это съ нимъ случилось. Вѣдь была жизнь, полная радости и довольства — онъ неумѣлъ цѣнить ее. Въ густомъ саду — въ тамбовской рябинѣ, кровавыми кораллами обвисавшей въ сентябрѣ, стоялъ его домъ, и каждый день въ немъ былъ полонъ глубокаго смысла жизни, осознаннаго только сейчасъ. Отсвистали косы за лѣто, отмахали серпы крутобедрыхъ жницъ въ подоткнутыхъ юпкахъ, коричневымъ плюшемъ, лоснясь отъ жиру, лежала вспаханная на озимя земля, прошелъ Покровъ — когда словно пьяные ревутъ колокола сельской церкви, и бабы, и мужики, пахари, жнецы, косари и онъ, Николай Ипполитовичъ, провожали лѣто горластой ярмаркой, пестрыми платками бабъ, коричневой паутиной осени, ея бодрящимъ холодкомъ—эти первые холодки съ синимъ заморзкомъ въ звонкихъ отъ вѣтра утрахъ обѣщали бѣлую, ровную зиму и покой до весны, сытый и довольный, какимъ

спятъ звѣри въ берлогахъ, какимъ спали мужики въ избахъ, набитыхъ богатствомъ щедраго лѣта и онъ, Николай Ипполитовичъ, въ крѣпко, на года, свороченномъ домѣ, на всю округу славившемся кулебяками съ гусиными потрохами, вишневой настойкой и его радушіемъ. Въ такой звонкій осенній день, шелестящій подъ ногами желтой листвой, когда солнце, осѣдая за бугры, словно прощается, а на селѣ по осеннему тихо, а на душѣ по осеннему бодро—онъ любилъ выйти къ лошадямъ, — крѣпкимъ перегаромъ лошадинаго пота щекотало ноздри, — засѣдлать караковаго Крѣпыша и, поддавъ въ теплые, нервные его бока, вынестись въ поле, подъ тынами крѣпко застегнутыхъ, блестящихъ въ осеннемъ закатѣ избъ, а въ полѣ молодцеватымъ шагомъ по межамъ снятаго хлѣба проѣхать до самой Королевки.

Мягко раздается подъ копытомъ лошади земля, Николай Ипполитовичъ слышитъ какъ она устало дышетъ — блестящая, влажная, напитавшаяся за лѣто. Законенъ и радостенъ наступающій бѣлый покой и для нея, и для солнца закрывающаго вялый, уставшій глазъ за крутыми горбами Королевки. Какая полнота жизни и радость и довольство наполняли всю его душу! Онъ напоминалъ самъ себѣ антоновское яблоко, скользкое отъ соковъ напоившей его земли, крѣпкое какъ камень. Въ такія минуты онъ твердо ощущалъ свое мѣсто въ жизни, его работа, его жизнь были нужны землѣ — онъ чувствовалъ это, и отъ этого сознанія были въ его душѣ всегда: тихая радость и покой. Коснувшись боковъ лошади каблуками, онъ переходилъ на рысь — за горбомъ открывалось село, просыпанное разноцвѣтнымъ макомъ крышъ, стѣнъ, оконъ, амбаровъ,

клунь.. Какъ изъ воротника — изъ купы зажелтѣвшихъ акацій высовывала крытую золотой шапкой голову колокольня. По горбамъ вѣтряки замахнулись широкими рукавами въ небо и машутъ, все машутъ — Богу, Землѣ, Жизни, уходящему солнцу. По дорогѣ скрипитъ возъ съ желтыми тяжелыми тыквами, блестящими какъ отполированная мѣдь. Андрей въ налипшей по поясницѣ рубахѣ шагаетъ рядомъ, осторожно выкручивая цыгарку опрямѣвшими за лѣто пальцами. Глядя на его ноги, разведенные косьбой въ стороны, на крѣпкую жилистую шею, прошитую черными нитками грязи по морщинамъ, Николай Ипполитовичъ, еще издали весело крича̀лъ, пуская поводья Крѣпышу:

— Здорово, Андрей.

Мужикъ, будто нехотя, останавливался и ожида̀лъ пока баринъ подъѣдетъ.

— Здравствуйте, Николай Политычъ.

— Ну, какъ Богъ милуетъ?

— Останнее, Николай Политычъ... Урожайный годъ, что и говорить...

Онъ приподымался на стременахъ. О, какъ знакома ему эта жадность «настоящаго хозяина» къ землѣ!

— Урожайный, Андрей... Урожайный... Посѣяли ли озимя?

— Дождичку поджидаемъ... Дастъ Богъ дождичку...

— Дастъ Богъ и дождичку...

Николай Ипполитовичъ улыбался широкой, добродушной улыбкой. Онъ зна̀лъ: — будетъ и дождь, все въ свое время.

Крѣпышъ тугимъ копытомъ рва̀лъ землю... Далеко, далеко — за плотиной заигра̀лъ пастушескій рожокъ. Николай Ипполитовичъ стро-

нулъ коня, и тотъ сразу вымахнулъ размашистой рысью... Кустарники заметались по сторонамъ, пахнуло сыростью, и надъ головой закачались, поскрипывая, сосны, когда Николай Ипполитовичъ вспомнилъ и, удержавъ коня, повернулся въ сѣдлѣ:

— Про-ошку, весело закричалъ онъ на дорогу, Про-ошку...

Мужикъ, розовѣвшій въ закатѣ тыквами, будто кучей золотыхъ самородковъ, остановилъ лошадь и подался впередъ, прислушиваясь...

— Про-ошку дошли по утру.. Рожь вѣ-ѣять..

Когда донесло по вѣтру, мужикъ замахалъ кнутомъ и закричалъ также радостно: —

— Дошлю-ю-ю...

— Вотъ тебѣ и Прошка!, сказалъ вслухъ Николай Ипполитовичъ. Было все это словно еще вчера, а какъ будто и совсѣмъ не было.

Въ семнадцатомъ году, когда въ Петербургѣ повалили царя, а по Россіи горѣли по ночамъ усадьбы помѣщиковъ — въ кровь и золото окрашивая тучи осенняго неба, на добротной этой, радостной жизни Николая Ипполитовича однажды въ холодный, тронувшій землю первымъ пробующимъ заморозкомъ вечеръ былъ поставленъ крестъ. Въ контору, елозя налипшими въ грязь сапогами, набились мужики; Николай Ипполитовичъ вышелъ къ нимъ испуганный, но въ душѣ все еще не вѣрящій: не можетъ же быть! — мужики засморкались, задвигали сапогами. Пахло отъ нихъ крѣпкой дубленой овчиной и свѣжеразрѣзаннымъ арбузомъ — запахомъ земли въ первыя стужи. Никто не хотѣлъ заговорить первый. Словно понимали, что дѣлали нехорошее дѣло.

— Ты не пугайся, сказалъ, наконецъ, Анд-

рей, подаваясь впередъ, но глядя въ землю, — самъ знаешь какое нонче дѣло...

— Вострое, ухмыльнулся кто то сзади...

— Завсегда мы къ тебѣ съ полнымъ уваженіемъ — баринъ ты настоящій, говорить нечего...

Тогда заговорили разомъ — безъ робости, упрямо.

— Все одно вамъ теперь безъ надобности...

— Сами работать не станете, а мужикамъ на барскихъ поляхъ — баста...

— Порѣшили...

— Домъ, баринъ, порѣшили на сломъ, а поле, не сумлѣвайся — запашемъ...

Николаю Ипполитовичу въ первый моментъ показалось, что все это сонъ, не настоящее. Подвигаютъ сапогами, попахнуть еще овчиной, уйдутъ — онъ откроетъ окно. Вернется къ прерванному чаю. Послѣ чая онъ хотѣлъ ѣхать къ мельнику на Королевку условиться о помолѣ. Но мужики стояли крѣпкой стѣной, молчали упрямо — никогда еще онъ не видѣлъ такого темнаго въ нихъ, настойчиваго упорства. Помнится, тогда въ первый разъ ощутилъ онъ въ себѣ какую то странную виноватость передъ ними, и подумалъ, что вся жизнь его до этого момента была не настоящей. Будто жилъ онъ въ большомъ и удобномъ домѣ, — изъ милости, водилъ большее хозяйство — шутя, чувствовалъ себя заправскимъ хозяиномъ — игралъ удачную роль — помело вѣтромъ, проснулся отъ долгаго, пріятнаго сна, и отъ сна ничего не осталось. Странно — отчего никогда раньше онъ не замѣчалъ вотъ этихъ упрямыхъ, ходившихъ желваками скулъ, жадныхъ и упорныхъ глазъ въ глаза, каменной настойчивости — они стояли стѣной и не уходили. Въ первую минуту мысль о самоубійствѣ показалось

ему самой простой. Зачеркнута жизнь — выйти въ другую комнату и... Но тотчасъ же онъ и отогналъ эту мысль. Было еще любопытство.

Онъ ушелъ изъ дома вечеромъ, когда въ его кабинетѣ уже засѣли три мужика въ тулупахъ — выбранные управлять имѣньемъ — пыхтѣли сизой махоркой и дѣловито щелкали на счетахъ, прикидывая хлѣбъ въ полѣ и скотъ. Ноябрьскій вѣтеръ, хрустящій подмерзшимъ снѣжкомъ по дорогѣ, гулко какъ въ открытое окно свистѣвшій въ полѣ — дунулъ ему въ лицо, когда онъ вышелъ изъ своего дома въ послѣдній разъ. На дворъ въѣзжали подводы, на нихъ бабы — ожалнѣвшія, нахлестывающія по лошадямъ, торопились перегнать одна другую... «За комодами», съ неожиданной веселостью подумалъ Николай Ипполитовичъ и зашелъ въ тѣнь подъ конскій сарай. Было еще ощущеніе какой то необъяснимой легкости, ночь была крѣпка и довѣрчива, — въ ней будто, осталась вся старая жизнь, а за ней, съ утромъ, наступитъ совсѣмъ другое, совершенно новое...

— Голъ какъ Адамъ, подумалъ Николай Ипполитовичъ, и засмѣялся — въ Кіевъ что-ль пойти?...

Такъ и пошелъ пѣшкомъ въ Кіевъ...

Вспоминая теперь обо всемъ этомъ, онъ не могъ объяснить себѣ только одного: тогдашняго своего чувства виноватости передъ мужиками. Этого ощущенія онъ не могъ себѣ простить и не любилъ о немъ вспоминать.

— Это какой то фарсъ!, произносилъ онъ по своей привычкѣ вслухъ и садился на кровати. — допустимъ, что я сорокъ лѣтъ просидѣлъ на своей землѣ и въ своемъ домѣ. Онъ допускалъ — это было очевидно. Двадцать лѣтъ распоряжал-

ся, косилъ, молотилъ, возилъ съ поля снопы, отъ году въ годъ богатѣлъ. И въ двадцать минутъ все это оставилъ какъ не свое. И главное — такъ подло, такъ легко оставилъ!

Это было положительно выше его пониманія. Но вѣдь со всѣмъ этимъ ушла жизнь, жизнь! Развѣ есть теперь у него жизнь. Развѣ это жизнь? И чѣмъ онъ виноватъ, что та жизнь ушла? Не находя объясненія, онъ обиженно укладывался на подушки, и тогда робкая тѣнь надежды, какъ тѣнь упавшая на стѣну отъ свѣчи, подкрадывалась къ его сердцу. Конечно, все еще вернется. Вотъ встанетъ онъ по утру и выйдетъ на свой дворъ въ лѣтнемъ люстриновомъ пиджакѣ, — «опять черти полосатые, шлею на дворѣ оставили», — подойдетъ къ сараямъ, — гомонъ, шумъ, звонъ тенькающаго по ведрамъ молока захватитъ слухъ — «обязательно надо выписать сепараторъ», а потомъ на Крѣпышѣ махнетъ въ поле и будетъ думать, что на береговомъ откосѣ слѣдуетъ въ будущемъ году засѣять овесъ — «но только съ фасфоритами, обязательно съ фосфоритами» . . . Сейчасъ онъ совершенно отчетливо понималъ отчего земля на береговомъ откосѣ плохо родила.

Онъ засыпалъ когда безразличное осеннее утро вплотную припадало къ баракамъ — сѣрое. Метался во снѣ — весь въ удушливой власти прошлаго. Маленькій, нечесанный человѣчекъ съ волосатой грудью мимоходомъ придавленный сапогомъ Исторіи.

X.

Писемъ изъ Свинемюнде все ее было. Подходилъ октябрь — лагерные съ утра уходили въ лѣсъ за дровами — запастись на зиму. Стояла мокропогодь — деревья по зеленой одеждѣ покрылись желтыми, наспѣхъ налатанными заплатами — съ нихъ какъ то ужъ слишкомъ стремительно сметало листья. Татьяна Егоровна каждый день съ утреннимъ поѣздомъ уѣзжала въ Берлинъ. Все наклевывалось и никакъ не могло наклеваться мѣсто. Обѣщали корректурныя работы въ типографіи, нужно было ждать, чтобы ушелъ старый корректоръ: его терпѣть не могъ владѣлецъ типографіи, но корректоръ состоялъ въ союзѣ и уволить его безъ причинъ было невозможно. На Kurfürstendamm открывалось «Чертово колесо» — русскій театръ съ пѣньемъ, танцами и столиками — требовалось черное платье, къ тому же оглядывая ея сѣренькій, промявшійся костюмъ и волчій, слежавшійся въ грязный жгутъ мѣхъ — директоръ сквозь зубы задумчиво процѣдилъ: «Впрочемъ, кажется всѣ мѣста у насъ уже заняты». Возвращалась она вечеромъ усталой и злой — міръ въ эти минуты казался маленькимъ, тѣснымъ, негдѣ было въ немъ повернуться.

— Ну, что, матушка, спрашивала ее Зиновія Павловна, встрѣчая у барака. Съ нѣкоторыхъ поръ старуха стала съ Татьяной Егоровной особенно нѣжной — будто угадала что то чутьемъ

старой, прошедшей жизнь женщины, — всѣ они мерзавцы, всѣ козлы однимъ миромъ мазаны...

Въ серединѣ октября изъ Свинемюнде вернулся Сырниковъ, ѣздившій на съемки вмѣстѣ съ Косыревымъ, и въ тотъ же день по лагерю поползъ тихонькій, въѣдливый слушокъ... Передавая его на ухо другъ дружкѣ — «только вамъ, милая моя, пожалуйста не распространяйте... Сами знаете — лагери: — сейчасъ разнесутъ», — женщины соболѣзнующе покачивали головами, а мужчины улыбались, про себя думая, что еще за одной женщиной можно теперь поухаживать. Женщинъ въ лагерѣ было такъ мало...

За съемки въ кинематографической картинѣ «Въ преріяхъ Техаса» — Косыревъ получилъ семь тысячъ марокъ. Сверхъ-того тысячу двѣсти за легкое увѣчье. Прыгая въ море за Сырниковымъ, — старикомъ-золотоискателемъ, Косыревъ, державшій въ рукахъ лассо, уронилъ его въ воду — лошадь запуталась въ размотавшейся веревкѣ, Косыревъ едва не утонулъ, продрогъ въ осенней водѣ до лихорадки, и, выпутываясь, вывихнулъ ногу. Лошадь подхватило бурливой осенней волной.

Въ тотъ вечеръ по случаю «счастливаго избавленія» была выпивка, офицеры-статисты, вывезенные изъ лагеря циркомъ Хагенбека для съемки картины въ Свинемюнде спали въ клѣткѣ самки-львицы, пересаженной въ клѣтку льва, — въ клѣткѣ пахло острымъ, одуряющимъ запахомъ мочи, этимъ запахомъ пропахла одежда статистовъ, ихъ вещи, они сами... Сырниковъ утверждалъ, что отъ одного этого запаха можно запить горькую.

Выпивъ, засѣли играть въ «двадцать одно».

Къ утру Косыревъ проигралъ всѣ свои деньги. Оставалось марокъ пятьсотъ. Такъ азартно, не помня о завтрашнемъ днѣ, съ удальствомъ швыряя на столъ крупные кредитные билеты, заработанные цѣлымъ мѣсяцемъ упорнаго труда, скачекъ на лошади, купанья въ одеждѣ и въ гриммѣ въ осеннемъ морѣ, увѣчьемъ — могли только въ клѣткѣ льва люди, которымъ нечего терять. Это сказалъ директоръ цирка Хагенбекъ, узнавъ о проигрышѣ Косырева. Онъ покачалъ круглой, облизанной какъ биллiардный шаръ головой, похлопалъ Косырева по плечу.

— Въ тридцать два года — не все еще потеряно, mein Herr — сказалъ онъ, вамъ остается еще Америка.

Косыревъ вышелъ изъ цирка со страннымъ чувствомъ тревоги, раздраженiя, тупого какъ камень приваленный къ сердцу и какой то особой, ноющей радости. Въ порту торопясь повизгивали лебедки, плавно опуская въ черные жадно раскрытые глотки трюмовъ ящики, бочки. Отчаянно командовали помощники капитановъ. Небо и море по осеннему сѣрѣли, въ нихъ четкимъ, металлическимъ голосомъ перекликались голоса пароходныхъ сиренъ... На молу по стонавшимъ сходнямъ подымались грузчики, въ черныхъ мѣшкахъ поверхъ картузовъ. Ослѣпительно ярко желтѣли на солнцѣ поручни, трубки и компасъ на капитанскомъ мостикѣ, золотые овалы буквъ на высоко вздѣтомъ кузовѣ: „ Caledonia “ — отъ чувства ноющей этой, подкалывающей радости и еще отъ чувства какой то свободы—будто человѣкъ болѣлъ, а теперь рѣшилъ, что онъ здоровъ и всталъ и оказалось, что онъ въ самомъ дѣлѣ здоровъ — глазъ Косырева былъ зорокъ, онъ примѣ-

чалъ и суету, поторапливающагося къ отплытію большого парохода, и бронзовое лицо малайца-повара, выплеснувшаго какую то дрянь за бортъ, и то, что за дрекольемъ мачтъ и трубъ, распустившихъ по вѣтру пушистые сѣроватые хвосты дыма — открывалось море, большое какъ жизнь. Острая мысль ухватила сердце срезу, сдавила. Онъ досталъ платокъ и судорожно потеръ лобъ. И вдругъ понялъ, что если не осмѣлится сейчасъ, сію минуту, — это будетъ, и будетъ сегодня, или не будетъ вовсе. Въ памяти метнулось лицо Татьяны Егоровны, ласковое, обезпокоенное: когда она думала о чемъ нибудь — у глазъ отвердѣвали кольца раннихъ морщинъ, сейчасъ онѣ показались самыми близкими, самыми дорогими...

— Ничего, пробьется какъ-нибудь, нарочно грубо сказалъ онъ вслухъ, мы же, въ концѣ концовъ, не вѣнчаны....

И опять подумалъ, что это подло. Никто не зналъ и самъ Косыревъ старался думать, что этого не было — онъ уже десять лѣтъ былъ женатъ. Жена осталась въ Россіи, въ городкѣ надъ Волгой, гдѣ по веснѣ перезванивались въ Жигуляхъ соловьи, а снизу — на рѣкѣ — озорно и громко орали плотовщики. Любовь вскрикнула сразу — вмѣстѣ съ окрѣпшими мускулами юношескихъ рукъ, съ закатомъ, пламеннымъ платкомъ поманившимъ въ этотъ вечеръ изъ за Волги. Онъ глядѣлъ въ открытые, вдругъ затемнѣвшіе глаза, на тугую косу переброшенную впередъ на грудь, не вѣрилъ и спрашивалъ: «Маша, навсегда?» Вѣдь навсегда, Маша? Маша ушла вмѣстѣ съ войной — вотъ только лицо, въ безцвѣтный дряблый мѣшокъ запухшее отъ слезъ осталось въ памяти, когда держась за пуговицу его шинели на вокзалѣ, покачиваясь отъ отчая-

нія, она твердила: мил-лый и не могла выговорить. Онъ былъ здоровъ и силенъ — развѣ онъ виноватъ, что на войну не уходятъ съ женами? Сначала онъ пугался этой отчаянной веселости прифронтовыхъ городковъ, гдѣ у людей былъ только день, но мой, а завтра опять окопы, проволока, проржавѣвшая подъ дождемъ, винтовка и, можетъ быть, смерть; и той доступности, съ какой отдавались женщины пріѣзжавшія на фронтъ сестрами милосердія; и той торопливости, съ какой люди хватались за жизнь, когда хмѣльной угаръ первыхъ дней мобилизаціи прошелъ, и война стала нуднымъ, опаснымъ — и нужнымъ ли? — дѣломъ?

Потомъ онъ понялъ самъ, что на войнѣ иначе нельзя — глупо сидѣть въ костелѣ и слушать какъ тонетъ въ торжественной его пустотѣ органъ, глупо любоваться застриженными до желтизны газонами у памятника Мицкевичу или другому великому человѣку — если рядомъ клокочетъ огнями кафе, въ немъ вино, женщины, и жжетъ ихъ улыбка. Въ кипѣвшихъ этихъ городкахъ не надо было говорить о любви, увѣрять о любви на всю жизнь — это звучало бы кощунствомъ надъ жизнью: — кто знаетъ, быть можетъ еще завтра оборвется она? Такъ еще война стерла въ немъ маленькую правду жизни, которая жила съ людьми прежде — въ соловьиныхъ пѣсняхъ надъ Волгой, въ любви зацвѣтавшей вмѣстѣ съ вишенникомъ, въ теплой тишинѣ вечера, когда жужжатъ майскіе жуки въ засыпающемъ воздухѣ, перекликаются колотушки сторожей, а ночь звенитъ подступающими снами, и ходитъ въ ней неслышнымъ шагомъ понятное человѣческое счастье. Такъ революція потомъ, подлетѣвъ пьянымъ вѣтромъ и его, какъ другихъ, за-

кружила песчинкой, несла, поднявъ, мимо поваленныхъ церквей, поповъ и бабъ распятыхъ на заборахъ, «стѣнокъ» и тюремъ, отчаяннаго безумства и подлости — не знаешь въ нихъ гдѣ начинался подвигъ и гдѣ кончался онъ, гдѣ смрадъ и гнусь самаго дна человѣческой души начиналась и кончалась — и въ пьяномъ вихрѣ тамъ не было времени подумать, отыскать свое мѣсто и оглядѣться. Когда побѣжденнымъ вышвырнуло его за проволоку лагеря—онъ понялъ только одно: ушли восемь лѣтъ юности, золотыхъ, самыхъ прекрасныхъ лѣтъ и выжгло ими душу какъ пробку, ничего не осталось въ ней, и чѣмъ дальше жить онъ не знаетъ? Любовь? — Могла ли она теперь наполнить все его существо? Какъ прежде... Выйти въ садъ, подъ звѣзды задумчиво колебляющія загадочный свой свѣтъ, сидѣть въ малинникѣ на подгнившей лавочкѣ, ждать когда въ темнотѣ тугой ноги мелькнетъ счастье бѣлымъ пятномъ платья! Смѣшно! Или задуматься надъ книгой, надъ тѣмъ какъ человѣкъ все ищетъ, все ищетъ, песокъ стираетъ въ кровь его ноги по пути къ орхидеямъ. Взлетъ скалы распоролъ птичьей грудью вольное кружево облаковъ. И золото сыплется внизъ подъ попирающей вершину ногой человѣка. И крикъ его съ крикомъ орла сплетенъ надъ бѣлымъ кружевомъ божьихъ, раскиданныхъ по небу платковъ. «А къ стѣнкѣ не хочешь?» « **Addio,** ротмистръ!» — въ крагахъ, желтыхъ и бутылками, онъ махалъ ему ручкой, а въ ней была перчатка, — когда вели разстрѣливать. Казакъ стукнулъ его прикладомъ въ спину, покачнувшись, онъ еще успѣлъ крикнуть: «До скораго свиданья, Ваня!» Смѣлъ ли онъ признаться, что это братъ. Братъ! Родной братъ! Трясли яблоки въ зарѣчныхъ садахъ, когда сто-

рожившія садъ бабы накрыли съ поличнымъ. «Пашка, Пашка — бѣги!».. Рубашка вздулась пузыремъ, двѣ голыхъ пятки дернулись подъ самыми глазами, а потомъ въ упрямой, вздыхавшей у береговъ Волги ночи, звенѣлъ спущенной тетивой братнинъ крикъ: «Ва-аня!» Онъ сидѣлъ подъ лодкой, слушалъ какъ тихонечко подхлестывала по рѣкѣ баржа, на носу кровавилась надъ трубкой рыжая, огненная чья-то борода, чужой голосъ спокойно бормоталъ: семь-... се-емь съ половиной... Только и припомнилось.

Косыревъ подошелъ къ деревянной дамбѣ. Пароходъ привалился къ ней бѣлымъ бокомъ, раскрывъ трюмъ какъ клювъ. Грузчики въ угольной пыли медленной стаей гусей проваливались въ его пасть. Въ ней скрипѣлъ сваливаемый уголь. Уйти, уйти — все равно куда. За океанъ, къ чорту, изъ жизни... Вымахнулъ крикъ пароходной сирены, покатился по морю стономъ. . . .

Шли вторыя сутки по Балтикѣ; къ иллюминаторамъ вплотную припадалъ липкій туманъ, въ немъ едва просвѣчивались дразнящіе хохолки волнъ, съ воемъ прядавшіе отъ крѣпкихъ, замшѣлыхъ стѣнъ. Косыревъ сидѣлъ на койкѣ въ матросской каютѣ, пахло въ ней кислымъ, прѣлымъ потомъ немытаго мужскаго тѣла, по стѣнкамъ, приколотыя булавками раскачивались фотографіи голыхъ бабъ съ громадными, наглыми грудями; на верхней койкѣ заботливо обернутые въ холстину лежали сапоги; въ иллюминаторъ тянуло засвѣжевшей волной, стучавшей въ потное, осклизлое отъ испарины стекло. За пятьсотъ марокъ матросы согласились спрятать въ каютѣ и доставить его въ Манчестеръ, куда шелъ пароходъ съ грузомъ лѣса.

Каждую свободную минуту въ каюту приходилъ одинъ изъ матросовъ — молодой, въ завѣтренныхъ, обвисшихъ усахъ. Молча садился на койкѣ и отпиралъ сундучокъ. Изъ него доставалъ онъ новенькую, ладную гармонику, пригибался къ ней ухомъ, растягивалъ послушливый, пѣвшій мѣхъ.. Игралъ самъ себѣ ласковое, бравшее за душу простотой напѣва... Потомъ его звали на палубу — къ штурвалу или къ парусамъ, онъ обрывалъ музыку однимъ и тѣмъ же покорнымъ, жалобнымъ звукомъ, бережно укладывалъ гармонику въ сундучокъ и выходилъ.

Подъ вечеръ, когда на мачты взлетали красный и зеленый фонари, и въ тьму ночи, подпиравшую пароходъ спереди черной своей грудью, протяжно и предостерегающе ревѣла сирена, упреждая о спокойномъ его ходѣ — матросы возвращались въ каюту, долго неторопясь ѣли, молодой въ завѣтренныхъ усахъ тотчасъ доставалъ гармонику, заботливо осматривалъ клапаны и щупалъ — не порвался ли? — мѣхъ.

Косыревъ ворочался на верхней полкѣ, втискивая голову въ промежутокъ межъ сундучкомъ, пахшимъ густымъ, въѣдливымъ клеемъ, и иллюминаторомъ, и все никакъ не могъ понять зачѣмъ онъ ѣдетъ, зачѣмъ рѣшился на такой непростительный шагъ? Внизу вкусно хлебали супъ матросы. Молодой все пробовалъ гармонику, любовно наклоняя къ ней ухо. Въ окно подхлестывали волны. Съ палубы — далекій, придушенный — пропѣлъ колоколъ, за нимъ, закашлявшись, ухнула сирена... Жизнь... Развѣ отъ нея уйдешь?

XI.

На самый Покровъ случилось въ лагерѣ событіе, потрясшее до основанія всѣ устои и навыки его жизни. Какъ и слѣдовало ожидать виновникомъ оказался Сырниковъ, давно безнаказанно порочившій мундиръ русскаго офицера заграницей. Не даромъ предупреждала м-ме Петунникова о необходимости освободиться отъ нежелательныхъ элементовъ. По ея и вышло.

Стоялъ свѣжій, закраснѣвшій осенней улыбкой день. Нѣмцы на селѣ справляли праздникъ плодородія. Десятки телѣгъ — въ цвѣтахъ, въ плодахъ, въ хвоѣ — разукрашенныя и нарядныя — съ шумомъ, съ гамомъ, съ пѣснями подвигались по улицамъ. Впереди въ зеленыхъ мундирахъ ѣхалъ верхами оркестръ — оглушительно ревѣли трубы подъ напоромъ красныхъ, надувшихся щекъ. За оркестромъ равнодушно вышагивалъ волъ — въ вѣнкахъ и съ колоколомъ; на немъ сидѣла верхомъ первая красавица села; ея волосы въ лентахъ вились по вѣтру; въ рукахъ она держала флагъ, взмахивала имъ какъ королева булавой. За ней на телѣгѣ два гнома въ красныхъ колпакахъ молотили снопы, кричали «хохъ», потомъ вынимали бутылки съ коньякомъ и жадно припадали къ нимъ. Процессія обошла кругомъ села — изъ оконъ махали платками, зонтиками, — у церкви патеръ произнесъ прочувственную рѣчь, старушки отерли глаза, когда дрогнувшимъ голосомъ онъ объявилъ, что нѣм-

цы должны въ два раза больше работать, ибо война отняла многихъ работниковъ у фатерланда; первая красавица, покраснѣвъ, прочитала собственные стихи; рванула труба, на лихомъ конѣ съ порванной въ войну ноздрей вынесся впередъ дирижеръ оркестра, закачались брюквы, рѣпа, капуста, морковь на повозкахъ, опять замахали цѣпы красныхъ гномовъ — процессія въ послѣдній разъ потянулась по деревнѣ. Вечеромъ въ Шультхейсѣ былъ назначенъ балъ съ фокстротомъ и джимми — нужно было отдохнуть.

Когда проходили мимо лагеря — обитатели его высыпали къ воротамъ, жались у стѣнъ — словно отчего то имъ было неловко, и чему то они завидовали. Въ пестромъ хороводѣ обряженныхъ въ цвѣты телѣгъ увидѣли они Соколовскаго, Андрея Степановича, возсѣдалъ онъ подъ аркой хвой, подъ качавшимися брюквами и большой желтой тыквой, держалъ на колѣняхъ старшаго сынишку и правилъ лошадьми. Проѣзжая мимо лагерныхъ — отвернулся.

Зиновія Павловна недовольно пожевала губами, сказала вслѣдъ:

— Совсѣмъ батюшка нашъ Андрей то Степановичъ нѣмцемъ задѣлался... И не узналъ старуху...

Скворцовъ надулъ щеки и, кося глаза на ея халатъ, сказалъ съ улыбкой:

— А ты бы, матушка, еще въ перину обрядилась... одѣяло-ни одѣяло, халатъ-ни халатъ... Кто тебя въ этомъ наматрасникѣ узнаетъ?

Содержатель «Кантины» — разсудительный нѣмецъ опасливо поглядывалъ на своихъ кліентовъ. Зналъ по опыту — по нахмуреннымъ лицамъ, всегда нахмуреннымъ когда село справля-

ло свои незамысловатые праздники — безъ скандала день не пройдетъ. «И зачѣмъ они тутъ сидятъ?» — недоумѣвала честная его нѣмецкая голова. Впрочемъ, задать этотъ вопросъ во второй разъ онъ не рѣшался: пьяный Сырниковъ, Donner Wetter, поднесъ однажды свой волосатый кулакъ къ самому его честному, розовому отъ пива носу.

Вечеромъ въ одномъ изъ бараковъ, спеціально приспособленномъ для семейныхъ спектаклей, состоялся концертъ. Весело качались въ синемъ дыму электрическіе лампіоны. Сусана Львовна, лагерная жеманница и примадонна, пропѣла подъ гитару «какъ печально каминъ догар-р-раетъ». Какъ въ старое доброе время въ Александринкѣ или еще вотъ у кіевскаго Кручинина дружно захлопали, занавѣсъ изъ двухъ сшитыхъ одѣялъ, съ бутонами искусственныхъ розъ по серединкѣ побѣжалъ въ стороны, и на сцену вышелъ... капитанъ Синицынъ въ полномъ походномъ снаряженіи — въ ремняхъ обинтовавшихъ грудь, при шашкѣ и съ полевымъ биноклемъ.

Капитанъ поправилъ пэнснэ на своей пуговкѣ и пріосанился. Не даромъ онъ сегодня рѣшился на публичное выступленіе: — грозные симптомы разложенія проникли въ самый лагерь. Отъ наблюдательныхъ его глазъ это не могло ускользнуть. Поручикъ Босачевъ — койка № 2, баракъ № 15, восьмого гренадерскаго полка, пятой роты — по совершенно достовѣрнымъ свѣдѣніямъ третьяго дня былъ въ Берлинѣ въ миссіи на Унтеръ-денъ-Линденъ, что онъ тамъ дѣлалъ — по свойствамъ секретнаго характера пока не подлежитъ оглашенію. Объ этомъ донесено рапортомъ — во первыхъ министру внутреннихъ дѣлъ германской республики, во вторыхъ начальнику

штаба генерала Врангеля въ Карловцы. Сегодня онъ хотѣлъ предупредить. Благородство русскаго офицера его вынуждало это сдѣлать. Его обязанность — старшаго въ чинѣ — разъяснить.

— Господа, — Синицынъ отступилъ шагъ назадъ...

Въ залѣ колыхнулся шепотъ, вдругъ выровнялась тишина. Въ тишинѣ стало слышно какъ гудѣлъ подъ поломъ сквознякъ.

— Господа, я хотѣлъ, воспользовавшись сегодняшнимъ вечеромъ, сказать вамъ нѣсколько серьезныхъ словъ. Скоро уже пять лѣтъ какъ кучка мошенниковъ, продавшихся нашимъ врагамъ, захватила въ Россіи власть и держитъ ее въ своихъ кровавыхъ рукахъ. Стонетъ подъ гнетомъ ихъ власти родина, задыхается въ объятьяхъ паука... Разграблены святые храмы, представители извѣстнаго племени надругались надъ мощами, задушена жизнь, голодъ и людоѣдство въ странѣ, нѣкогда благорасцвѣтавшей подъ скипетромъ великодержавнаго русскаго орла... И вотъ въ этотъ самый моментъ когда наскудство и ужасъ катится по голымъ русскимъ полямъ — извѣстно ли вамъ, господа, что Европа готовится признать насильниковъ, узурпаторовъ и угнетателей русскаго народа законнымъ россійскимъ правительствомъ? Извѣстно ли вамъ что готовится, я бы сказалъ, легализація самаго страшнаго злодѣйства, какое когда ли помнила исторія цивилизованнаго міра?

— Совершенна неизвѣстна, пробубнилъ пьяный голосъ сзади.

— Ш-ша!

Капитанъ въ волненіи стиснулъ руки.

— Я позволю себѣ, господа, предложить вамъ отъ имени остатковъ могущественной Россіи,

къ голосу которой прислушивался весь міръ...

— Мір-р-ръ, — подбросилъ Синицынъ кверху палецъ.

— Р-р-р-р...., рявкнулъ въ заднихъ рядахъ тотъ же пьяный голосъ.

— Ш-ша!

Негодованіе застрекотало какъ просыпанные по полу орѣхи:

— Че-ертъ знаетъ — безобразіе какое...

— Напиваются какъ свиньи....

— Позоръ...

— Дай ему, Саша, въ морду, солидно посовѣтовалъ чей то басъ.

И когда вновь устоялась тишина, — востренькій, перетянутый ременными бинтами человѣкъ, напряженный до гуда въ груди, съ нестерпимыми сумасшедшими глазами — заметался по сценѣ будто языкъ пламени и — вдругъ выросъ — огромный — приказывающій — знающій, что сила и толпа въ его рукѣ. Онъ вскрикнулъ свистящимъ, хлещущимъ теноромъ въ безмолвно разверстые, обомлѣвшіе рты, властно приказывалъ, онъ требовалъ въ упоръ:

— Немедленно... телеграмму... Ллойдъ-Джорджу и Эберту... Мы, вынесшіе на себѣ пять лѣтъ войны за честь и освобожденіе Россіи, протестуемъ... Мы, брошенные въ лагери въ угоду интернаціональнымъ палачамъ, распинающимъ нашу родину, тре-ребу-емъ... отъ имени освобожденной, воскресшей Россіи предупреждаемъ культурное человѣчество отъ совершенія новой роковой ошибки...

Ему не хватало словъ. Крохотныхъ, человѣческихъ словъ, чтобы представить ужасъ, сегодняшнюю мерзость, все величіе — той подступаю-

щей прекрасной Россіи, которая одолѣвала его въ снахъ, которой онъ молился, несуразный человѣкъ съ кнопкой-носомъ и волосатой грудью, имени Ея, не смѣя произнести вслухъ... Онъ дергалъ себя за тѣсный воротникъ, до хрипоты сдушившій шею, винтомъ вился на авансценѣ, покорно хлюпавшей досками — изъ щелей ея струйками дымилась пыль... Въ отчаяніи прыгнулъ на будку суфлера и, выхвативъ, тугимъ лезвіемъ впередъ вымахнулъ шашку...

Молчаніе захватило залъ. Гудѣлъ сквознякъ подъ половицами. Красны и взволнованы стали лица... Будто люди боялись дыханіемъ спугнуть величіе безумія. Ш-ша! Онъ все еще покачивался на будкѣ суфлера, шашка, взмахнутая надъ головами, дрожала въ рукѣ...

И опять — надежда какъ теплое молоко облила сердце Петунникова. Еще жива въ людяхъ горячая вѣра! Кто подкупилъ этотъ энтузіазмъ? Надо только умѣть вправить его въ надлежащее русло. Вотъ обязанность положительныхъ, серьезныхъ людей.

Онъ всталъ:

— Господа офицеры!

Голосъ его раскололся и задрожалъ.

— Господа! Я предлагаю завтра же обсудить предложеніе капитана Синицына... Съ грустью я долженъ констатировать что мы — уничтожены. Мы — не армія, обезоруженные, запрятанные за эту проволоку. Но вѣр-р-рность — голосъ Петунникова крѣпчалъ какъ парусъ, — р-родинѣ еще не умерла...

— Ур-ра!

— Постойте.. Еще не умерла въ нашихъ сердцахъ... Я предлагаю теперь же избрать комиссію...

Спектакль грозилъ обратиться въ митингъ. Но это же о-кон-чательно скучно. Жеманница и примадонна Сусанна Львовна капризно подняла брови. Продолженіе извѣстно. Не даромъ «кантинщикъ» уже запиралъ свою лавку.

—Полковникъ...

Она умоляюще протянула къ Петунникову обѣ руки.

— Ну, полковникъ же...

Во время дали занавѣсъ. Полыхая пыльными крыльями — одѣяла бросились къ серединѣ, смыли капитана стоявшаго на будкѣ, только лезвіе шашки прижатое бутонами, съ секунду еще поторчало угрожающей пикой, потомъ скрылось и оно....

Слѣдующимъ номеромъ долженъ былъ Сырниковъ декламировать стихи. Дѣтина вышелъ на сцену безнадежно пьяный, зачерпнулъ сапогомъ за коверъ — фи...

— Какая мерзость!, — въ театральномъ шепотѣ этомъ лицо Сусанны Львовны поморщилось.

— Ну, батюшка.., — развела руками Зиновія Павловна.

Но Сырниковъ, замахавъ на старуху руками, мотнулъ примадоннѣ хлеставшимъ по потному лбу кокомъ, — ехидная улыбка вдругъ раздавила слюнявыя его, пухлыя губы.

— Пр-родолженіе, объявилъ онъ.

Сзади зашевелились. Поддразнивающій смѣшекъ вспухъ и тотчасъ опалъ. Молодежь очевидно въ стачкѣ. Петунниковъ безпокойно задергался на лавкѣ.

— Гаспа-да... шелъ я по лагерю... и нашелъ чеховскую книгу... Гы... можно почитать?...

— Просимъ, просимъ...

— Хи-хи...

— Шелъ, іетта, и шелъ и нашелъ...

Сырниковъ выволокъ изъ кармана смятую вчетверо тетрадь. Глянувъ на нее, Петунниковъ съ ужасомъ узналъ одну изъ тщательно занумерованныхъ тетрадей Синицына — совершенно секретный документъ, который даже ему, Петунникову, человѣку своему, капитанъ не показывалъ.

— Ну, Господи... подумалъ Петунниковъ и обмеръ. Словно падалъ въ пропасть. Даже уши похолодѣли.

— Номеръ первый, началъ Сырниковъ, Скворцовъ Николай Ипполитовичъ, бывшій помѣщикъ, пьетъ... безпринципный интеллигентъ... неблагонадежнаго не замѣчено... къ замѣщенію административныхъ должностей по причинѣ шатанія ума не способенъ...

— Номеръ второй — Татарниковъ, Иванъ Сергѣевъ, называетъ себя поручикомъ... На языкъ не воздержанъ и въ обращеніи рѣзокъ... чувства нравственности лишенъ, сему способствуетъ и жена его, Антонина Сергѣева, 28 лѣтъ... О священной особѣ мученически почившаго государя императора отозвался не одобрительно... Подлежитъ тщательному досмотру...

— Номеръ третій — Босачевъ, Илья Антоновъ, бывшій подпоручикъ — явно подозрительный типъ. Отъ вѣрныхъ людей поступили свѣдѣнія о томъ, что дважды былъ въ большевистскомъ посольствѣ на Унтеръ-денъ-Линденъ. Холостъ. На лицѣ имѣетъ отличительные знаки оспы. Занимается совращеніемъ лагерной молодежи въ жидо-массонство, что усмотрѣно изъ чтенія имъ лѣвыхъ эмигрантскихъ газетъ и даже «Извѣстій».

— Номеръ четвертый — Петунниковъ, Миха-

илъ Степановичъ, полковникъ, по лагерной кличкѣ «гусь подъ березой»....

Залъ грохнулъ сразу и задохнулся въ бѣшеномъ ревѣ. Люди словно сорвались — стонали и задыхались отъ смѣха. Въ ревѣ этомъ острый какъ прутъ выбился женскій крикъ: «Ме-ерз-завецъ!» — утонулъ въ лошадиномъ грохотѣ ржавшихъ глотокъ. Топотами ноги. Угрожающе застучали по стульямъ палки. Занавѣсъ какъ ошалѣвшій хлопалъ полотнищами. И только когда кто то догадался потушить электричество — ревъ смыло какъ волной и, торопясь, люди стали пробиваться къ выходу.

XII.

Двѣнадцать старѣйшихъ офицеровъ лагеря на другой же день имѣли секретное совѣщаніе. Было ясно, что оставить такой неофицерскій проступокъ безъ всякаго наказанія совершенно невозможно. Это въ конецъ подорвало бы авторитетъ русскаго мундира какъ въ самомъ лагерѣ такъ и въ глазахъ «гостепріимно пріютившей насъ страны». Содержанія самого дневника собравшіеся не касались — всѣмъ была извѣстна горячая любовь капитана Синицына къ родинѣ и его писательскія наклонности, за что онъ и пострадалъ еще въ свое время на службѣ. На лицо — явные плоды большевистской пропаганды, успѣвшей свить гнѣздо въ самомъ лагерѣ.

Петунниковъ предлагалъ съ помощью германской полиціи произвести немедленный обыскъ.

Но съ этимъ никакъ не могъ согласиться Никашинъ, генералъ-майоръ. Генералъ находилъ, что у нѣмцевъ послѣ Версальскаго договора, пожалуй, достаточно и своихъ заботъ, и безпокоить ихъ еще лагерными дрязгами неудобно.

Есаулъ Чепуренко жалѣлъ, что уничтожены военно-полевые суды, отлично умѣвшіе расправляться съ подобными молодчиками.

Но какъ вмѣстѣ съ тѣмъ поступить?

Кто то предложилъ отеческое увѣщеваніе — случалось и прежде въ старое, доброе время, что по выбору командира полка старѣйшій подполковникъ или капитанъ убѣждалъ, бывало, како-

го-нибудь забулдыгу-поручика оконъ въ трактирахъ не бить и дѣвокъ на улицѣ за сиськи не щипать. Иногда такія увѣщеванія помогали.

Всѣ, однако, сошлись на томъ, что незапятнанная честь русскаго мундира, которую до сихъ поръ въ лагерѣ умѣли съ достоинствомъ поддерживать, оказалась затронутой, что дикая выходка эта на руку врагамъ Россіи т. е. большевикамъ если вообще не была инсценирована ими, и что, наконецъ, нужно реагировать.

Самое простое, конечно, выбросить Сырникова изъ лагеря, за одно выбросить и Босачева — одного поля ягоды! Но какъ? Оба попросту могли отвѣтить, что здѣсь не казарма, а лагерь для бѣженцевъ, и въ немъ нѣтъ ни полковниковъ, ни поручиковъ, всѣ равны, и никто никому не подчиняется. И они были бы правы, получился бы еще большій конфузъ.

— Долженъ вамъ замѣтить, сказалъ генералъ Никашинъ — бѣлые протабаченные усы его наставительно приподнялись, — вопросу я придаю серьезное значеніе въ его, такъ сказать, историческомъ аспектѣ. Дѣло въ томъ...

— Ну, и мерзавецъ, искренне вздохнулъ Петунниковъ.

— Все дѣло въ томъ, что, видимо, со стороны непріятеля это первая попытка къ наступленію на насъ — я бы сказалъ, на тотъ сколокъ старой, не умершей Россіи, которую мы храбро защищали грудью и вынесли сюда...

— Да?

— Да. У меня есть основанія полагать, что Россія измѣнилась до неузнаваемости, ея настоящее здоровое лицо унесли русскіе люди заграницу, берегутъ его всюду — и здѣсь, въ Германіи, и по колоніямъ гостепріимной Югославіи, и въ

Болгаріи, и въ Константинополѣ... Это то врагамъ нашей родины и нужно въ первую же голову разрушить, что бы потомъ не осталось, я бы сказалъ, даже историческаго воспоминанія о былой великой Россіи...

— О, негодяи, простоналъ Петунниковъ.

— Эти соображенія и матеріалы являются нынѣ основнымъ лейтъ-мотивомъ моихъ воспоминаній... Я уже предложилъ ихъ Гессену въ «Архивъ Русской Революціи», да... Н-н-но.... Мы не должны забывать, что съ одной изъ разновидностей этой очередной работы большевиковъ заграницей мы несомнѣнно имѣемъ дѣло и въ данномъ случаѣ...

Практическаго выхода все таки не было.

Старики недоумѣвали. Врагъ проникъ въ самую ихъ среду — это было очевидно. Пропала Россія псу подъ хвостъ — тоже очевидно.

Рѣшено было вывѣсить имя Сырникова на черную доску, а имъ — двѣнадцати — подъ порицаніемъ расписаться. Чувство порядочности должно же заговорить даже въ самой потерянной душѣ!

Доска была вывѣшена съ утра. Омерзительнымъ и недостойнымъ мундира русскаго офицера былъ названъ на ней проступокъ Сырникова.

Но шли дни. Подъ дождями поползли рѣчками чернила на доскѣ, заглохла очередная, старушечья тема у общихъ плитъ, по прежнему дымили павлиньимъ сизоперымъ дымомъ бараки по утрамъ, скреблись въ нихъ крысы и клопы табунами ходили по прежнему,—но вошелъ все же въ жизнь лагеря новый духъ — недоумѣнія и раскола, разводилъ-разводилъ потихоньку людей въ два стана, и съ опаской стали шушукаться за перегородкой изъ одѣялъ, а мысли запрятали по-

глубже — въ самое дно обиженныхъ, тоскующихъ душъ, въ ночь, когда хлопаетъ она крыльями вѣтра по облупленнымъ, запотѣлымъ рамамъ, свиститъ въ похолодѣвшихъ печахъ, таитъ въ себѣ многое... Многое таитъ въ себѣ чужая ночь подъ чужимъ, негрѣющимъ небомъ.

XIII.

Послѣ случая съ шашкой, какъ окрестили инцидентъ лагерные остряки, словно по сигналу посыпались всякія несчастья. Они всегда нападали вмѣстѣ съ первыми стужами, съ вѣтромъ, озорно свистѣвшемъ въ щели, выбивавшемъ назадъ печной дымъ въ корридоры. Каждый годъ задыхались въ эту пору дѣти въ коклюшѣ, кашель и стонъ колотились по ночамъ, тряся перегородки, на заводахъ начинались несчастья и безработица, съ лѣтнихъ заработковъ и побывокъ — разочарованные — возвращались «лѣтнія пташки»... Но никогда несчастья не наваливались такъ сильно. Точно вмѣстѣ съ дождемъ просѣивало ихъ тупое, нагнувшееся къ самой землѣ небо, безжалостное къ маленькимъ людямъ, присѣвшимъ въ одѣялахъ на чужой землѣ.

Жгуче и крѣпко ждала Татьяна Егоровна. Голова воспалялась отъ ночныхъ думъ. Хватитъ, хватитъ ли силъ дождаться? И когда подлое, пытавшееся оправдаться пришло, наконецъ, письмо изъ Манчестера — вырвалась боль въ крикѣ, пронзившемъ баракъ. Простоволосая, въ растерзанномъ капотѣ — лежала на полу, о стѣнки кровати колотясь головой, и выла на голосъ какъ баба... Выла какъ затравленная волчиха — неустающимъ, звѣринымъ крикомъ. Тогда ходили въ баракѣ на цыпочкахъ — еще умѣли въ немъ уважать горе, — прислушивались какъ дзенькаютъ вспотѣвшія стекла въ отвѣтъ на жадный нечеловѣческій вой.

— Словно съ жизнью прощается, — покачались космы Зиновіи Павловны.

Но въ комнату ея никто не шелъ. Неутѣшное было женское горе. Какими словами его утѣшить?

Скворцовъ сидѣлъ въ своей коморкѣ на кровати — тѣнь его трепетала на стѣнкѣ, уродливо наползая къ угламъ. Онъ вслушивался, боялся уронить хоть одинъ звукъ, копьемъ втыкавшійся въ грудь. Боялся самъ упасть на колѣни, поднять голову, завыть, завыть... завы-ыть... послѣднимъ, сотрясающимъ крикомъ. И поползти... Поднять морду и выть.. А-а-а... А-а-а... А-а-а..

Когда упалъ, наконецъ голосъ женщины, — только жалобно скулилъ онъ, — обиженный, расколотый колокольчикъ, Скворцовъ подтянулъ съѣхавшіе къ пяткамъ штаны, шатаясь пошелъ вонъ. Упрямая за баракомъ колотилась ночь. Висѣла въ ней луна, багровая, — расхлестнутое мукой сердце, и кровь стекала съ нея на дороги, — будто обнажились кровавыя вены земли, исходила земля кровью... Мохнатые кусты казали окровавленныя свои рожи, рогами, усами и лапами хватались за одежду... Взметалъ и вился вѣтеръ, будто вѣдьмы закрутились въ пляскѣ... Всѣ горя человѣческія, всѣ печали, болѣзни и зло вобралъ онъ въ свою грудь — вотъ барабанами гремитъ зло въ его сердцѣ, и страшенъ будетъ прямой его вопросъ. Кому? Богу, Исторіи, Родинѣ, Человѣку...

Только когда вышелъ въ лѣсъ, и сосны сомкнули зонты надъ пылающей его головой, а вдали засипѣлъ гулъ подходящаго поѣзда, а потомъ вымахнулъ онъ надъ косогоромъ — острыми двумя мечами пронзилъ тьму, и, завидѣвъ ихъ, жалобно запѣлъ станціонный колоколъ, и въ отвѣтъ ему рванулся тугой ревъ горла, прорвавшій

тьму — сѣлъ онъ, маленькій, у дороги, подвернулъ пальто къ простуженному горлу, просидѣлъ до утра — въ каменномъ оцѣпененіи, безъ мыслей.

Продрожавъ въ лѣсу ночь, Скворцовъ всталъ, опустилъ воротникъ пальто и бодрымъ шагомъ пошелъ къ лагерю. Ну, что жъ! Рѣшеніе выкинулось само собой, теперь онъ зналъ какъ нужно поступить... Силы еще придутъ, еще придутъ силы. И этой вотъ головы хватитъ на двоихъ...

На горизонтѣ мотались вялыя перья зари. Шелъ зимній холодный разсвѣтъ, какъ холодная ванна, освѣжающая душу. Скорѣе, скорѣе — она прекрасна какъ огонь, какъ воздухъ, какъ поднимающееся солнце — простая жизнь человѣка. Ей — всюду одинаковый свѣтитъ свѣтъ, и всюду одной мыслью — о жизни — пропитаны нервы Земли. Жизнь — единственно Прекрасное, Чаемое, глотокъ огня въ остуженное горло, путнику возжаждавшему въ пустынѣ, живительная чаша... Какъ же раньше онъ не догадался объ этомъ? Величаво и покойно — независимая отъ войнъ и революцій, вольнымъ ходомъ омывающая ихъ кровь, течетъ рѣка жизни въ прекрасныхъ своихъ берегахъ — и волнамъ ея не бойся ввѣрить душу, блуждающій путникъ! Онъ бѣжалъ путаясь въ полахъ нескладнаго своего пальто. Сорвалъ съ головы шапку, длинный нестриженный волосъ трепался косичками по воротнику...

И въ воротахъ лагеря едва не сбилъ ее съ ногъ.

— Татьяна Егоровна!!

— Что, голубчикъ?

Она обернула лицо нѣмое, но спокойное. На лицѣ онъ видѣлъ только глаза — словно они упали внутрь, такъ они были пусты.

— Куда вы?

— Въ Берлинъ.

Тутъ только онъ замѣтилъ чемоданъ въ ея рукахъ.

— Зачѣмъ вамъ въ Берлинъ?

— А что мнѣ здѣсь дѣлать?, сказала она спокойно.

— Останьтесь.

Онъ уже вѣрилъ, что сейчасъ скажетъ. За руку возьметъ — просто, ласково. Жизнь, жизнь вернется въ пустые эти глаза... А развѣ къ нему не вернется жизнь? Такъ кто же тонетъ? Кто, кто?. И чувствуя, что говоритъ не то, что вотъ одна выбилась минута — а въ ней было спасеніе, что не поднять ему радости, готовой солнцемъ упасть въ безмозглое, страшное это утро, онъ ухватилъ ее за руку и зашепталъ — подло, трусливо, невѣрно:

— Вернется.. Онъ еще вернется.. Не вѣрьте..

Она тихонько высвободила руку.

Видѣлъ потомъ какъ таяла ея фигура въ сизомъ молокѣ. Таетъ такъ свѣча подоженная съ двухъ концовъ.

XIV.

Въ тотъ самый день къ вечеру — капитанъ Синицынъ, задыхаясь, ворвался къ Петунникову съ доказательствами измѣны въ рукахъ: уѣзжали таки въ Россію Сырниковъ и Босачевъ. Не далѣе какъ сегодня ихъ видѣли выходящими изъ посольства на Унтеръ-денъ-Линденъ, при чемъ оба предательски улыбались. И пока два человѣка въ сумятицѣ душившаго негодованія, не слушая одинъ другого и заходясь въ гнѣвѣ до сипоты, какъ двѣ тѣни, шарахнувшія изъ угловъ, кричали и размахивали руками, — старшій Петунникова сынъ, Сашка, опрокинулъ на себя самоваръ. Короткій, словно придавили дверью мышь, чиркнулъ пискъ и смолкъ.

И во второй разъ замотался надъ лагеремъ вопль. На голосъ кричала мать...

Тогда лагерь притихъ. Запрятались люди по своимъ каморкамъ. Бѣда и несчастья стучались въ окна вмѣстѣ съ дождемъ. Демонами стояли вокругъ лагеря, каждый его шагъ въ неистовствѣ истребленія стерегли. И подъ взглядами демоновъ съ покорствомъ отчаянія смирились люди..

Въ холостомъ баракѣ, ковыряясь ножницами въ потныхъ грязныхъ мозоляхъ, Сырниковъ поднялъ отъ ногъ голову и сказалъ съ усмѣшкой:

— И чего воетъ?.. Народили то же уродовъ.. Бога благодарить должна...

— Живая все таки жизнь, угрюмо отозвался Босачевъ.

Сырниковъ помолчалъ, отколупнулъ желтый затвердѣвшій мозоль и спокойно отвѣтилъ:

— А я, братъ, вотъ что скажу...Въ нашемъ положеніи дѣтей заводить — по меньшей мѣрѣ подло...

XV.

По двери легонечко поскребъ ноготь.

— Николай Ипполитовичъ, спишь?

Скворцовъ со злостью поднялъ голову.

— Не сплю. Чего надо?

— Я это — Зиновія Павловна... Дѣло есть...

Подтянувъ одѣяло подъ подбородокъ, буknулъ:

— Входите.

— Ну, и духъ, у тебя, запѣла входя Зиновія Павловна, прямо сказать — живымъ покойникомъ пахнетъ...

— Покойникъ и есть...

— И все ты съ глупостями... И постарѣй тебя будутъ, а не жалуются... Провѣтриваешь ли комнату?

— Пока не провѣтривалъ.

— А ты провѣтри... Да не полѣнись — подмети... Смѣшно сказать въ этакой то помойкѣ, да живой человѣкъ живетъ... Зайти то къ тебѣ и то страмъ... Эка до чего себя довелъ...

— Пришла зачѣмъ?

— А ты не торопи... Зачѣмъ пришла — все выложу... Батюшки мои, вдругъ всплеснула старуха руками, да знать у тебя въ рамѣ то стекла нѣтъ? Да какъ же это ты безъ стекла живешь?

— Эк-ка удивила... Его, поди, второй годъ нѣту...

— Да чего жъ ты мнѣ то не скажешь? Да что

жъ я тебѣ врагъ что ли, байбакъ ты несчастный? Дай сюда подушку...

— Постой, постой...

— Давай — тебѣ говорятъ... Заболѣешь — возись съ тобой, съ красавцемъ немазанымъ.

Старуха выдернула изъ подъ головы подушку, забила ею щель въ окнѣ — выходила щель на помойную яму,—присѣла потомъ на край кровати.

— Хочу я тебѣ сказать, Ипполитъ Николаевичъ... Дѣло наше бабье — плохое дѣло... Въ родной сторонѣ и то женщинѣ одной соблюсти себя трудно, про чужую что ужъ говорить... Пропасть...

— Это ты о комъ?

— О ней все... о Танюшкѣ... Съѣздилъ бы ты, батюшка, въ Берлинъ... Недалекое дѣло... Посмотрѣлъ бы какъ живетъ... Ноетъ по ней мое сердце..

Скворцовъ съ досадой приподнялся на локтяхъ.

— Что каркаешь?, спросилъ онъ грубо.

Но старухины глаза горѣли ровно. Бѣжали отъ нихъ лучики затвердѣвшихъ морщинъ — тихое сіяніе старости, понявшей все и простившей все. И какъ всегда подъ смиряющимъ ихъ блескомъ онъ сдался, — словно упалъ въ пропасть — покорно, безъ сопротивленія. Стояла въ старухиныхъ глазахъ правда живой жизни — увѣренная въ себѣ, твердая какъ солнечный лучъ, полоснувшій мертвую по утру рѣку. И опять передъ жизнью, словно передъ свѣтомъ, нестерпимо брошеннымъ въ очи — показался онъ себя маленькимъ и безсильнымъ...

— Что жъ... я съѣзжу, сказалъ онъ глухо.

— Съѣзди, батюшка, съѣзди... я тебя завтра пробужу...

Дверь за ней тихонько притворилась.

— Не уснуть, тоскливо подумалъ Скворцовъ и принялся курить, ожесточенно зажигая папиросу о папиросу.

Мысль — не мысль, облако приваливалось къ головѣ, влипчиво припадало къ глазамъ, бередя пустоту оконъ. Эта пустота была чернѣе ночи. Побороть ее, пронзить острымъ копьемъ желанія, обогрѣть мыслью, которая вдругъ полыхнула бы какъ молнія и всю освѣтила жизнь — Скворцовъ не умѣлъ.

А мысль шажкомъ прогуливалась вокругъ, вылѣзала тысячами крошечныхъ червей изъ всѣхъ щелей барака, изъ бѣдноты его, изъ грязи его, изъ унылой его ненужности... Она трепетала въ плачѣ ребенка, настойчиво верещавшаго за стѣной... Она скрипѣла въ топотѣ крысъ, носившихся подъ поломъ... Въ пьяной ласкѣ, безпамятной и постылой, отъ которой уже затряслась, всѣми гайками и болтами запищала кровать въ сосѣдней комнатѣ — у Татарниковыхъ:

— Умеръ ты... умеръ... умеръ...

XVI.

Каждый разъ это было мукой. Надо было начищать сапоги, подметка подхлестывала зѣвомъ, обнаруживая пальцы. Соскребать стеаринъ со штановъ — откуда только онъ брался? Брить жесткую, непослушливую щетину на оплывшихъ отъ привычной безсонницы щекахъ. Ахъ, этотъ Берлинъ! Скворцовъ терпѣть не могъ ѣздить въ городъ.

Съ утра моросило совершенно омерзительной слякотью. На крошечномъ полустанкѣ ожидали поѣзда люди въ шинеляхъ перешитыхъ въ пальто, у женщинъ вязаныя веселенькихъ цвѣтовъ шапки и котиковыя затрепанныя въ тряпки манто, свертки — трепалась въ рукахъ разлѣзающаяся, мокрая бумага. Съ раннимъ поѣздомъ ѣздили въ Берлинъ всѣ кому удалось получить службу: въ вязальныхъ мастерскихъ, на папиросныхъ фабрикахъ, въ ресторанахъ...

— Это еще тѣ, что не сдались, подумалъ Скворцовъ.

Въ купэ крѣпко воняло дешевой сигарой. Желтыя, обнаженныя дымились за окномъ осклизлыми туманами поля. На дорогахъ озорно заметало листъ, подъ вѣтромъ голыя сучья какъ когти царапались по заборамъ... Въ сигарномъ дыму, щипавшемъ глаза, покачивались лица — осень ли, голодъ положили желтизну на лобъ и щеки, — она свѣтилась прозрачная, точно слоновая кость... Скворцову казалось, что купэ — на-

битый мертвецами гробъ, братская могила, въ сизое это утро мертвецы приподнялись въ ней отъ скуки и медленный завели разговоръ.

— Я боленъ, подумалъ Скворцовъ съ тревогой.

Мертвецъ въ синемъ саванѣ напротивъ погрозилъ пальцемъ и засмѣялся, выскаливъ тронутые зеленой ржавчиной зубы. Скворцовъ скорѣе догадывался чѣмъ слышалъ, что онъ говорилъ.

— Этотъ негодяй повадился ходить въ нашъ ресторанъ каждый день. Ну, знаете... типичная большевистская морда... щеки въ оспѣ, усы какъ у парикмахера... Что это вы, молодой человѣкъ, спрашиваетъ у меня, въ ресторанѣ служите? Предпочитаю, говорю. Предпочитаете — это похвально. А предполагаете ли вы, говоритъ, въ Россію поѣхать? Нѣтъ, отвѣчаю, не предполагаю... А почему же это вы не предполагаете? А вотъ, говорю, когда Россію устроятъ, да всѣхъ большевиковъ перевѣшаютъ, тогда, говорю, и поѣду... Такъ прямо въ самое его гнусное хайло и сказалъ... А кто же это, говоритъ, для васъ, мааладой человѣкъ, устраивать ее будетъ?, — А самъ двадцать марокъ на чай мнѣ протягиваетъ... Ну, знаете...

— Взялъ, гляди, подлецъ, съ лукавостью замигалъ желтый саванъ изъ угла.

— Нѣтъ, не взялъ...

— Хе-хе... хе-хе-хе....

Это былъ такой гнусненькій, влипчивый смѣшокъ. Скворцовъ съ укоромъ оглянулся. Но смѣялся онъ самъ, прикрывалъ ротъ дрожащими вспотѣвшими пальцами, съ омерзеніемъ чувствовалъ какъ въ мелкой дроби зашлись и не слушаются зубы.

— Я боленъ, подумалъ онъ опять.

И опять увидѣлъ желтое, оскаленное лицо,

нагнувшееся къ нему въ сигарномъ дыму. Оно таращило пустые провалы глазъ — Скворцовъ внимательно всмотрѣлся въ черныя ихъ дыры: сомнѣнія не было: — дыры были пусты, подленькій маленькій ротокъ зябко ежился и жевалъ слова, тягучія какъ кисель:

— Онѣ расхаживаютъ нарядныя какъ куклы. Но это же въ самомъ дѣлѣ — недорѣзаные буржуи. Я нисколько не обвиняю большевиковъ — эти куклы дѣйствительно пьютъ кровь. Ихъ двадцать куколъ съ восковыми лицами и руками едва обтянутыми кожей. Когда я прихожу за работой — двадцать куколъ покашливаютъ въ кулачки и ласково спрашиваютъ: «Вы пришли за работой?» Они уговариваютъ меня поторопиться съ мережками — дама которой я шью рубашки, хочетъ поѣхать на курортъ. Я соглашаюсь, двѣ куклы записываютъ мою фамилію, а мнѣ даютъ бумажку съ адресомъ. Въ этой бумажкѣ двѣ подписи — одна княжеская, другая графская... Князь провожаетъ меня до дверей и все шепчетъ, что дама — не какая нибудь дама, а очень богатая дама, которая даже хочетъ ѣхать на курортъ въ Италію...

— Вы говорите — графъ?

— Да, графъ.

Скворцовъ опять не удержался — засмѣялся тоненькимъ поддразнивающимъ смѣшкомъ:

— Какъ ждетъ, сказалъ онъ, какъ ждетъ его обновленная Россія!

— Вы знаете генерала Артиллеристова?

— Я?

— Позвольте, позвольте... Кажется — это бывшій иркутскій генералъ-губернаторъ?

— Да, онъ бывшій иркутскій генералъ-губернаторъ.

— Тогда я знаю генерала Артиллеристова.

— Генералъ Артиллеристовъ открылъ на Йоркштрассе танцклассъ и очень успѣшно обучаетъ фокстроту и джимми.

— Никакой трудъ не унижаетъ человѣка.

— Вотъ именно.

— Господа...

Мертвецы замолчали. Тугая пелена дыма обволакивала лица, желтое съ синимъ давало зеленое — стали зелеными лица и торопливый ихъ оскалъ, цѣдящій слова въ пустоту. Скворцовъ привалился головой къ косяку — голова налилась свинцомъ какъ тегель, и мысль въ ней бурлила плавленнымъ свинцомъ.

— Я говорилъ, что даромъ это не пройдетъ...

— А жаль парня! Вотъ ужъ воистину русская душа...

— Что такое?

— Вы не знаете?

— Да какъ же! Помните поручика Сливенкова?... Маленькій, еще — въ велосипедномъ шлюпикѣ ходилъ... Такъ вотъ пошли они — онъ и Тугоусовъ — съ кокаиномъ въ Голландію...

— Въ Голландію?

— Вотъ именно. Ну, на границѣ нѣмецкій часовой: — «стой, куда идешь?» А они — будто безработные, работу ищутъ... Услыхали окрикъ, бѣжать... Три фунта кокаина — тоже не шутка... Сливенкова, знаете, на мѣстѣ, а Тугоусовъ спустя часъ въ больницѣ померъ...

— Русская жизнь, вздохнулъ визави въ синемъ, кому жаль русскаго человѣка? Никому не жаль.

— Разбрелись по всей землѣ какъ клопы, въ чужіе комоды и кровати залѣзли, а зачѣмъ? Неизвѣстно зачѣмъ?

— Размотали, растрепали Россію, бродимъ теперь нищими подъ чужими окнами...

— А все большевики?, сказалъ кто то со злобой.

— Ну, братъ, — ни одни большевики, отъ каждаго есть своя капля меду...

Поѣздъ подходилъ къ Берлину. Мохнатыя отъ перегара очертанія трубъ покачнулись въ окнахъ. Заскрипѣли, засипѣли колеса на стрѣлкахъ. Съ боку — изъ подъ земли выскользнула желтая земля унтергрунда. За ней пролаялъ жесткій голосъ контролера — „**aussteigen**“, въ открытыя двери рвануло дождемъ и слякотью, по перрону, обгоняя, побѣжали люди... Поднявъ воротникъ своей шинели, Скворцовъ вышелъ на вокзалъ.

Скворцовъ шелъ по **Potsdamer Strasse,** поеживаясь въ легкомъ своемъ, передѣланномъ изъ солдатской шинели пальто и думалъ, что придти такъ рано, къ Татьянѣ Егоровнѣ, пожалуй, неудобно. Мимо, обгоняя его, желтой непрерывной цѣпью волоклись вагоны трамвая, на площади, звѣздой улицъ разбѣжавшейся по сторонамъ, шуцманъ въ каскѣ взмахомъ руки удерживалъ податливый напоръ автомобилей, улица ревѣла утреннимъ грохотомъ желѣза, развозившаго людей по домамъ-коробкамъ... Городъ вставалъ къ желѣзной неумолимой жизни, клокотовшей свистомъ трамвайныхъ колесъ по рельсамъ, зычными выкриками уличныхъ продавцовъ, живымъ бѣгомъ людей, будто невидимой цѣпью связанныхъ за руки... У потсдамскаго моста Скворцовъ остановился передохнуть. Отъ рѣки, вправленной въ твердый камень, напоминавшей оттого остывшую,

сбѣгающую по желобу сталь, тянуло пронзающимъ холодкомъ. Вѣтеръ трепалъ афиши на театральномъ столбѣ, смокшія за ночь. Чувствуя головокруженіе, Скворцовъ въ тревогѣ прислонился къ столбу: — боялся упасть на улицѣ. Глядѣлъ словно сквозь сонъ, тупо — какъ закованная въ желѣзо мчалась мимо жизнь и думалъ что она безпощадна, что изомнетъ, раздавитъ размететъ въ клочки, если сейчасъ онъ не удержится, не напряжетъ остатокъ холодѣющихъ силъ и поддастся болѣзни.

— Пойду, сказалъ онъ по привычкѣ вслухъ и пошелъ, держась ближе къ стѣнамъ.

Совершенно безразлично — годъ, два, онъ могъ прожить еще тысячу лѣтъ, но въ этой вотъ жизни ему мѣста не было. Развѣ я не хочу, подумалъ Скворцовъ, я не могу... Ему показалось, что трамваи, амтомобили, люди, даже дома — гигантскіе сѣрые склепы, опутанные въ проволоку стальныхъ нервовъ — все мчитъ по наѣзженной, блестящей рельсѣ неизвѣстно куда, а онъ стоитъ подлѣ — маленькій, никому не нужный человѣкъ, у котораго въ груди остался осколокъ разбитаго зеркала, а въ ушахъ еще звенитъ утренній клекотъ коростеля въ жаркомъ соку цвѣтущихъ, раскидавшихся липъ... Было совершенно очевидно, что онъ остался русскимъ, что прошелъ мимо жизни Запада за послѣдніе эти три года, ничему не повѣрилъ въ ней и ничему не научился... Это сознаніе наполнило его радостью, ему представлялось что Россія — мать, ея глаза прищурены въ радугу лучистыхъ морщинъ, улыбка развела ротъ — ласковый подъ прощающей улыбкой.

— Надо ѣхать, сказалъ онъ громко.

Нѣмецъ проходившій мимо, вынулъ изо

рта сигару и внимательно на него посмотрѣлъ.

— Поѣду, сказалъ ему Скворцовъ, и подумалъ: — Если Россія не можетъ вернуться ко мнѣ, я долженъ вернуться къ Россіи... Должно быть, у меня горятъ глаза... Это отъ болѣзни... Почему онъ такъ внимательно на меня смотритъ?... Я въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, поѣду...

Онъ прижмурилъ глаза... Въ мелканьи красныхъ пятенъ открылось вдругъ чистое, снѣжное поле, на немъ лежали синія жирныя пятна луны, потрескивалъ морозъ по оврагамъ, а отъ дальнихъ, по самой землѣ мотавшихся огоньковъ села потянуло вкуснымъ дымомъ, забрехали собаки, совсѣмъ близко запѣли полозьями сани, и чей то голосъ радостно сказалъ: «садись что ли, Николай Ипполитовичъ... Эка, снѣгу то Богъ послалъ».

— Бредъ подумалъ Скворцовъ вслухъ... я боленъ...

И пошелъ впередъ, хватаясь за воздухъ и боясь упасть, боясь разбить маленькій осколокъ, глянувшій неизвѣстно откуда и согрѣвшій вдругъ ненужнюю, постылую жизнь. Сейчасъ онъ боялся признаться самому себѣ, что жизнь его нужна, что кто то тамъ — за рельсами, за мельканіемъ красныхъ круговъ лихорадки, за бѣгомъ живой жизни связанныхъ невидимой веревкой за руки людей — ждетъ его съ прощающей улыбкой, приласкаетъ какъ сына, оцѣнитъ этотъ подвигъ его во имя любви, отогрѣетъ и ободритъ. Какъ мать... какъ мать, повторялъ, онъ безсвязно, ускоряя шагъ...

XVII.

Съ этой новой, нежданно запѣвшей радостью — онъ бѣжалъ, путаясь въ полахъ нескладной подхлестывающей шинели. Синицыны, Петунниковы, лагерь, грибы, неподвижный Кузнецовъ у помойки, и дождь, гніеніе, гніеніе... Медленное — какъ трупъ выброшенный на дорогу — гдѣ онъ видѣлъ его? Въ поѣздѣ, когда уносились отъ красныхъ, раскачивали за ноги и кидали прочь изъ вагона трупы — ихъ много лежало по пути — удушливо, одиноко, ненужно гніющихъ... Теперь онъ найдетъ силы и слова, цѣлью — какой огромной, блещущей молніями у самыхъ глазъ показалась она ему! — великой цѣлью да освятится любовь...

Онъ пробѣжалъ домъ три раза, вернулся къ нему опять — вотъ сорокъ первый, это онъ, а въ немъ еще одна маленькая капля, она дольетъ сердце вѣрой, и тогда ничто не станетъ страшно. Тяжело дыша, онъ бросился вверхъ по лѣстницѣ. Пахло на ней газомъ и собачьими слѣдами. Съ верху — въ пролетъ лѣстницы отсвѣчивали зеркала — падая, свѣтъ рваными квадратами ложился на двери.

— Боже мой какъ все просто! Ахъ ты, Боже мой, какъ все это просто...

Скворцовъ надавилъ кнопку. Скорѣе... Радость такъ рѣдко падаетъ на голову человѣка. Какой свѣтлый квадратъ налегъ на двери. На сердцѣ лежалъ радостный квадратъ отраженнаго

свѣта. Какого? Любви ли — не она ли теплое дуновеніе вѣтра — вотъ гонитъ онъ волны легонько, легонько бѣгутъ по рѣкѣ волны, и вдругъ — вспученной бездной поднимается рѣка, ломая берега... Надежды ли — не она ли рукой матери касается къ сердцу, уставшему жить, легкимъ, полногрудымъ вздохомъ отвѣчаетъ оно, и вдругъ стогудымъ ревомъ ревѣтъ пробужденная жизнь..

— Эй, вы скорѣе!

Дверь съ осторожностью отворилась — онъ отодвинулъ старуху-хозяйку, пошелъ къ комнатѣ, чутьемъ угадывая въ которой.

— Татьяна Его-ро-вна!

— Кто тамъ?, дѣланно, будто не узнавая, спросилъ голосъ.

— Я! Я — Скворцовъ. Отоприте скорѣе...

Скворцову почудилась за дверью возня.

— Да отворите же!

— Я не одѣта, Ипполитъ Николаевичъ. Въ чемъ дѣло?

«Она проститъ» — внезапно подумалъ онъ и тронулъ дверь. Первое, что бросилось ему въ глаза была кровать — она была несвѣжа и смята. Въ утреннюю берлинскую гниль, мертвымъ ядомъ натекавшую въ окна, вливался сине-бѣлый свѣтъ газа. Татьяна Егоровна стояла у окна. На ней было одѣто ея пальто — прямо на рубашку: зябко проступали колѣни въ бѣломъ въ распахнувшійся прорѣзъ. Волосы, соткнутые одной шпилькой, размотались по плечамъ облѣзлымъ войлокомъ, у глазъ — блестѣвшихъ насмѣшливо, залегли черные круги. Въ первый моментъ Скворцову показалось, что она въ очкахъ. «Какая нелѣпость!» удивился онъ, разглядѣвъ. На столѣ, заплесканнымъ цвѣлыми пятнами пива, воняло обкусанный сыръ.

Скворцовъ въ нерѣшительности подался назадъ. Ему пришло въ голову, что она ждала его. Стояла у окошка чуть-чуть покачивая головой, притоптывая ногой — голой, въ ночной туфлѣ.

— Я пришелъ къ вамъ... — хотѣлъ онъ выговорить, но не сказалъ ни слова. Остановился у дверей, сжавъ сразу вспотѣвшія руки. Глаза его налились блескомъ нестерпимымъ, лихорадочнымъ...

— Ну-съ, сказала, наконецъ, она, зачѣмъ пожаловали, дорогой мой?

— Татьяна Егоровна?

Въ вопросъ онъ вложилъ все: тоску, жалость, любовь, надежду. Никогда въ жизни ему не приходилось говорить такъ проникновенно. Въ мертвенномъ сіяніи газа лицо ея было ужаснымъ. Лицо трупа глядѣло, тронутое несмѣшливой улыбкой. И въ ужасѣ подался онъ впередъ, неловко загромыхавъ сапогами, чтобы упасть на колѣни, позвать къ жизни, которая такъ радостно предстала въ мысляхъ.

— Та-ть-яна Егоровна!!

Женщина повела рѣсницами и сказала:

— Я давно васъ жду. Сядьте...

Она заговорила тихимъ, жалящимъ шепоткомъ:

— Вы помните, какъ уговаривали меня уйти прочь — сюда, гдѣ бьется живая жизнь, гдѣ ясно горятъ по вечерамъ фонари, огни театровъ, гдѣ такъ свободно дышать, и нѣтъ грибовъ и еловыхъ шишекъ? Вы помните это? Помните, какъ старательно утюжили свой галстухъ и пришивали пуговицу къ воротнику, которой не было? Какъ убѣдительно говорили о томъ, что бѣжитъ за проволокой лагеря вольная жизнь — какъ приман-

чива она, какъ опьянительна она, и что мѣсто мое въ ней... въ жизни... въ живой...

Она почти ласково тронула его за плечо:

—Помните, Ипполитъ Николаевичъ?... Этими вотъ словами зажгли вы меня... И когда Ваня... Ваня ушелъ съ какой силой проснулась во мнѣ опять жажда этой простой, понятной, человѣческой жизни! Я мечтала о томъ, какъ покрою мою кровать бѣлымъ одѣяломъ, уберу свою комнатку — всю въ бѣлое, по утрамъ буду бѣгать на службу и бойко стучать на машинкѣ... А вечеромъ въ ласковой тишинѣ почитаю книжку, всплакну о прошломъ, полюблю... И буду ждать, что вотъ придетъ онъ... милый, самый нѣжный, неловко постучитъ у дверей, а я почувствую, сердце мое оборвется какъ мышь... А потомъ мы сядемъ вмѣстѣ вотъ въ этомъ углу, я положу ему голову на плечо, и буду тихо разсказывать, что счастье маленькая птичка, и, можетъ быть, не нужно для него ни родины, ни вѣры, ни богатства — нужно только пригрѣть счастье, если сядетъ она на плечо человѣка...

Скворцовъ видѣлъ волосы ея у самыхъ своихъ глазъ. Они разметались пламенемъ — свѣтлые какъ вымоченый ленъ, ласкали щеки, упрямо налѣзали въ глаза щекочущей слезой.

— И каждый вечеръ, когда къ окошку подкрадывались сумерки, я садилась вотъ здѣсь, на этомъ диванчикѣ, не запирала дверей и вздрагивала отъ каждаго шороха... Я такая маленькая, такая обыкновенная женщина — и развѣ мнѣ много нужно? Всего только каплю ласки, одну самую маленькую каплю ласки... Вѣдь я еще совсѣмъ, совсѣмъ не жила...

— Родная, подумалъ Скворцовъ съ жалостью.

— Вѣдь я всю жизнь — все куда то бѣжала.. Сначала на войнѣ, потомъ въ Россіи... Мнѣ все казалось, что придетъ когда нибудь день, и этотъ мертвый мой бѣгъ закончится, я остановлюсь на маленькомъ кусочкѣ живой жизни, своей рукой уберу комнатку, покачаю въ ней колыбель... Покачаю колыбель, правда же, мой милый? И все-все окажется сномъ: и война, и революція, и штормъ на морѣ, и кровь, и аэропланы, все огромное и нелѣпое, что нагромоздили для войнъ и революцій люди — проснусь къ ясному утру, подбѣгу къ окну и скажу милому дню: «Здравствуй, мой милый день!» Какъ хорошо! Здравствуй, мой милый день! Повторите вслухъ сейчасъ же, я хочу слышать какъ вы скажете? Ну.. Здравствуй..

— Здравствуй, глухо сказалъ Скворцовъ.

— ... Мой милый день!

— ... Мой милый день...

— Видите, какъ хорошо выходитъ. А потомъ подойти къ нему, къ милому — спитъ крѣпкимъ, утреннимъ сномъ... Голова у него большая и умная, такая какъ у васъ... Прядь лежитъ наискосокъ къ закрытымъ глазамъ... Поцѣловать въ голову...

— Вотъ такъ. Стойте... Поцѣлуемъ жены, поцѣлуемъ счастливой женщины...

— Таня...

— Постойте... Это были самые лучшіе дни моей жизни... я такъ мечтала объ этомъ въ лагерѣ... И если бы онъ пришелъ однажды...

Она вдругъ оттолкнулась обѣими руками.

— Какая бы страшная ложь это была. Вы знаете...

— Это было бы еще больше, чѣмъ ложь Вани... Поманить живой жизнью мертвую... Ахъ,

милый... Я такъ много передумала за это время. Вы знаете...

Къ самымъ его губамъ придвинулись блѣдныя ея безкровныя губы. Лицо блестѣло синимъ пятномъ — отъ утра, клейко наползавшаго въ окно, отъ газа...

— Мнѣ кажется, что я давно-давно умерла. Ну, развѣ я могла бы побѣжать теперь по полю навстрѣчу ржи, рвать васильки и пѣть, пѣть, запрокинувъ голову въ небо? Я какъ то дѣвочкой собирала камни на берегу. Никого кругомъ не было. Я швыряла эти камни, они летѣли по водѣ, отскакивая... какъ смѣшно вспомнить! Развѣ это я? Отчего такъ? А?

— Когда Ваню посадили въ чрезвычайку, и я поѣхала за нимъ, не зная — мертвый онъ или живой — вы знаете... Я тогда въ первый разъ почувствовала, что души у меня нѣтъ, что ее, какъ будто, выпили... И когда матросъ сказалъ, что онъ можетъ выпустить Ваню, если... Если я приду къ нему ночью, и тихонько сунулъ мнѣ передъ дверью адресъ... Я пошла къ нему просто, мнѣ было все равно... Вы знаете...

— Я не чувствовала никакого ужаса. Онъ мялъ меня какъ вещь, я, выйдя утромъ, пошла по Лубянкѣ вверхъ и ѣла яблоки, которыя онъ мнѣ далъ на дорогу. Мнѣ было все равно, я была какъ мертвая... Съ той поры я замѣтила въ себѣ это. И когда я опомнилась — я ужаснулась: Боже мой, неужели я умерла?.. Я перестала запоминать краски и цвѣта, ни утренняя радость лѣса, ни солнце, ни весна — ничто меня не радовало. Я жила съ того времени какъ въ забытьи, если бы подошелъ ко мнѣ человѣкъ и взялъ меня за руку — я пошла бы за нимъ покорно, не спрашивая куда онъ меня ведетъ, и только когда Ваня

ушелъ — въ послѣдній разъ приподнялась мертвая крышка, и я увидѣла что жизнь идетъ мимо, жизнь все идетъ... Помните — какъ хорошо вы говорили о томъ, что мимо идетъ жизнь? А вѣдь какъ хотѣлось повѣрить въ живую жизнь, въ чудо воскресенія изъ мертвыхъ... И какъ благодарна я вамъ, что вы не пришли, не обманули меня этой чудовищной ложью. Развѣ бываетъ воскресеніе изъ мертвыхъ? Ми-илый...

Скворцовъ приникъ головой къ ея волосамъ — каменный въ нестерпимомъ забытьи. Безрадостная и смѣшная — шевельнулась на рѣсницѣ слеза, наползая къ щекѣ.

— Вы о чемъ, милый? Вы меня любите?..

Онъ съ покорностью кивнулъ головой.

— Хотите — я отдамся вамъ? Возьмите меня всю — я буду смотрѣть въ ваши глаза, я буду рада, если они станутъ счастливыми...

— Вотъ, поцѣлуйте здѣсь...

— Я согрѣю вашу голову поцѣлуями... Разскажу о ржи, о васильках... Развѣ вы еще помните, какъ въ іюньскую пору цвѣтутъ васильки?

Чувствуя, что онъ падаетъ, что круги — давешніе, красные, испугавшіе на улицѣ жизнерадостнаго нѣмца съ сигарой, поплыли опять съ настойчивой послѣдовательностью, и заплетаютъ его въ нѣмой кругъ, и увлекаютъ — Скворцовъ всталъ и не отвѣчая пошелъ къ дверямъ, боясь пасть на полъ, съ жадностью хватая руками голубой, мертвенный зракъ.

XVIII.

Вернувшись въ лагерь, Скворцовъ слегъ. Передъ забытьемъ — послѣднимъ воспоминаніемъ онъ помнилъ еще какъ трепались надъ нимъ озабоченныя космы Зиновіи Павловны, какъ будто глядѣлось еще въ окно солнце — блеклое и тупое. Потомъ все провалилось въ пустоту.

Когда онъ очнулся — была ночь. Съ жадностью онъ поднялъ голову и, весь уйдя въ слухъ, прислушался къ черной, влипчивой тишинѣ. Въ баракѣ тянулись нити жизни по прежнему, все такъ же плакалъ ребенокъ, заходясь въ коклюшѣ, старческій шепотъ колотился подстрѣленными крыльями въ безплодной молитвѣ, въ окна царапался дождь какъ вчера...

И когда вышелъ въ первый разъ на дворъ, пошатываясь, мутнымъ взглядомъ обвелъ все: — бараки — черные перевернутые гробы, рѣшетку оконъ, перевитую веселенькой геранью, рубашки, штаны — развѣшенныя по заборамъ — онъ понялъ вдругъ что изъ жизни этой ему не уйти, что кругъ ея замкнутъ, и мертвъ въ немъ бѣгъ человѣка. Отъ привычныхъ понятій: долгъ, родина, привязанность, семья — не осталось какъ будто ничего. Словно былъ дурной сонъ, и во снѣ этомъ онъ запутался. Проснулся — земля, поле, лежитъ онъ въ полѣ голый, а рядомъ на опушкѣ единственно осязаемая вещь — сапоги.. Онъ протянулъ за ними руку и подтащилъ ихъ къ лицу. Сейчасъ онъ совершенно отчетливо

представлялъ себѣ душевное состояніе Кузнецова — по прежнему тотъ сидѣлъ каменной тумбой подлѣ помойки... Взглядъ оловянный, вѣки опухли... Смотрятъ глаза — не смотрятъ... Копошится ли какая нибудь мысль подъ захлобученнымъ на самыя уши картузомъ, да и надо ли чтобы она копошилась?.. Человѣкъ помирился со всѣмъ, на крѣпко... Сѣчетъ въ лицо дождь, голодъ и болѣзни сторожатъ лагерь кругомъ, и каждый шагъ въ немъ мертвъ, и каждая мысль безплодна — неподвиженъ и каменен его ликъ. Большіе, отворенные глаза мертво смотрятъ въ пустоту, сами изошедшіе изъ пустоты...

— Замѣчательная вещь, подумалъ Скворцовъ, проходя мимо и снимая шапку. Кланялся онъ терпѣнію и кротости человѣка низко.

Кузнецовъ едва кивнулъ, не моргая.

Оправившись полюбилъ онъ прогулки, уходилъ вмѣстѣ съ Зиновіей Павловной въ звонкій, на вѣтрахъ плачущій лѣсъ, глядѣлъ часами какъ стынутъ на рѣкѣ отраженныя облака, шуршатъ деревья краснымъ, опадающимъ листомъ. И найденный въ буграхъ грибъ, и просинь холодѣющаго неба, рвавшая зубастую изгородь оголенныхъ стволовъ, и всплескъ шалѣющей отъ стужи рыбы на рѣкѣ — заливали сердце радостью. Изъ глазъ лились глупыя слезы, руки заходились мелкой дрожью.

— Старость, батюшка, говаривала Зиновія Павловна.

Старики почти не разставались. Скворцовъ перешелъ къ старухѣ по ея выраженію — «на полное иждевеніе». Незамѣтно для себя онъ подчистился, постригъ бороду, легшую въ опрятной старости на жилетъ, въ глазахъ его обозначилась

грусть, масляная покорность... Уходя по грибы, онъ самъ нерѣдко окликалъ старуху:

— Пойдемъ, старая, по земному шару...

И шли вдвоемъ — она все въ томъ же купальномъ халатѣ, въ мѣховой авіаторской шапкѣ — Богъ ее знаетъ, какъ досталась ей такая шапка? — въ мужскихъ американскихъ сапогахъ, елозившихъ по мягкой, ускользающей землѣ. Онъ шагалъ рядомъ, неся двѣ корзинки — старухину и свою, дымилъ трубкой, зорко поглядывалъ подъ каждый кустъ.

— Ишь, гдѣ притаился красавецъ!

— А ну ка я его...

— Постой, постой, старая... Опять корешокъ обломешь.

Онъ бережно припадалъ къ грибу на колѣни, разгребалъ мокрую паутину хвой и наставительно говорилъ:

— Грибъ, Зиновія Павловна, надо брать съ толкомъ... Грибъ, Зиновія Павловна, очень деликатный предметъ...

У любимаго своего озерка они отдыхали. Озерко курилось какъ блюдце осеннимъ смертнымъ туманомъ. Въ спутанной его рѣзкѣ лапчатыя вздрагивали лиліи. За озеркомъ, — вправо отъ синей стѣны лѣса, — кидалось поле, перехваченное волдырями бугровъ по дальнимъ своимъ, подмывавшимъ желтой щетиной небо, горизонтамъ. Видъ на поле называли они — видомъ на землю.

Чаще они сидѣли молча. Зиновія Павловна перебирала въ корзинкахъ грибы, счищала грязь перочиннымъ ножемъ. Скворцовъ полулежалъ на кочкѣ, попыхивая трубкой, слѣдя какъ раннія сумерки жадно припадали къ землѣ, стягивая тугіе бугры ея жгутами ранняго мороза.

Надъ головами ихъ — качались верхушки лѣса, звеня вѣтвями на холоду.

Мимо шла жизнь — своя. Желтыми глазами оконъ глядѣло въ непогоду село. Отъ дальнихъ фабрикъ тянуло дымомъ, тамъ гдѣ то — далеко по металлическимъ наковальнямъ перезванивались молотки, храпѣла лошадь, подбрехивали собаки... Надъ селомъ поднимался вечеръ, несъ съ собою уютъ оттрудившейся жизни и теплоту. Безъ злобными, простившими глазами глядѣли на бѣгущую мимо жизнь два старика съ опушки лѣса — чужіе ей, одинокіе въ просвѣтленной своей радости.

Berlin — Swinemünde
1922.

Книги Глѣба Алексѣева

Живая тупь. Сборникъ разсказовъ. Книгоиздательство Е. А. Гутнова. Берлинъ, 1922.

Живыя встрѣчи. (Портреты русскихъ писателей въ революціи). Книгоиздательство „Мысль“ Берлинъ, 1923.

Деревня въ русской поэзіи. Книгоиздательство Е. А. Гутнова. Берлинъ, 1922.

Петербургъ. Монографія о Петербургѣ. Книгоиздательство Отто Кирхнеръ. Берлинъ, 1923.

Нѣмой кругъ. Первый томъ разсказовъ. Книгоиздательство писателей. Берлинъ. (Готовится къ печати).